

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 7-8/19-20

ИЮЛЬ-АВГУСТ 1935.

№ 7-8/19-20

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат — Имперский путь Японии.

Шалва Амиреджиби — Об армянских настроениях.

Шефи Рустамбейли — Из печального прошлого.

Шалва Нарумидзе — Судьба мавров.

В. Оленин — Кавказ и Россия.

Вахтанг Карелели — О причинах развала и гибели Российской Империи.

Мухаджир — По свежим следам большевицкого разгрома.

Гайдар Баммат — «Факты и События».

Генерал Одишелидзе — о причинах поражения Грузии.

«Фолькишер Беобахтер» о Руставели.

Обзор Печати.

Хроника.

Библиография.

ИМПЕРСКИЙ ПУТЬ ЯПОНИИ Америка судорожно бьется в тисках небывалого экономического кризиса, из которого не видно выхода. Великие европейские державы, раздраемые противоречивыми интересами, раздвинуты больше, чем когда либо. Только на Дальнем Востоке события развиваются с планомерной точностью, отлично налаженной машины.

Когда четыре года тому назад Империя Восходящего Солнца решительно и смело «перешла Рубикон», и стала на путь осуществления своей исторической миссии в Азии, многие горячие друзья Ништона серьезно опасались, что поставленные им себе задачи превы-

шают человеческие возможности. Уносясь воспоминаниями в недалекое сравнительно прошлое, они искренно страшались, что и на этот раз стихийный порыв героической нации, рвущейся из тесного плена своих островов на широкий простор континента, может разбиться о непреодолимую преграду объединенных сил Америки и Европы.

События рассеяли эти опасения. Каждый день приносит новые доказательства того, что в Токио все взвесили, все предвидели. То что многим в действиях японской армии представлялось лишь «безумством храбрых», на проверку оказалось делом безошибочного расчета

холодного ума и стальной, непоколебимой воли.

Горькие уроки 1895 и 1919-21 годов не прошли даром. Жестокий опыт прошлого был учтен.

Дважды естественному развитию государственного организма Японии был нанесен сокрушительный удар. Дважды своекорыстной коалиции европейских держав и Америки удалось воздвигнуть железный барьер на путях здорового роста великого народа.

В первый раз в 1895 году, когда вето европейского концерта свело на нет блестящие победы японского оружия над Китаем. Во второй — после мировой войны, когда непримиримая оппозиция Соединенных Штатов вынудила Японию отказаться от Шантунга и 21-го пункта предъявленных Китаю.

Оба раза Япония явила миру пример величайшей выдержки и терпения. Скрыв гугузую боль национального унижения и обиды, под маской внешнего спокойствия и покорности, она как будто склонилась перед неизбежным, заменилась в себе.

И в то время, как европейские народы все более и более истощали свои силы в бесплодном соперничестве и интригах, а Америка все глубже уходила в тину экономического хаоса и разрухи, Япония с изумительным упорством и настойчивостью вынашивала детали грандиозного плана, которому суждено открыть новую эру в истории человечества...

Еще в 1890 г., заканчивая блестящий этюд о тридцати веках европейской истории Эрнест Лависс писал: «Всякая сила исходит отсюда. Способность руководить историей человечества не является монополией (одной какой либо расы, или одного континента). Европа, унаследовавшая эту способность три тысячи

лет тому назад, быть может не сохранит ее навсегда*»).

Мы знаем, что некогда «ведущие» историю человечества народы, жили в бассейне Тигра и Евфрата, в долине Нила, на берегах Орионта... Кто может утверждать, что гегемонию Европы не ждет участь тех великих восточных культур, без которых и самая европейская цивилизация — более поздняя во времени, но не последняя в веках, — была бы вообще немислима?

Тревожные признаки распада, свидетельствующие о том, что средиземно-морскому периоду истории приходит конец, множатся. Политическая и экономическая ось мира на наших глазах перемещается в бассейн Тихого океана. Народы Востока и Азии освободились от векового гипноза Европы. Престиж технической цивилизации, политического могущества и военной силы, на котором зиждилось господство европейских держав, если не окончательно разрушен, то чрезвычайно сильно подорван.

На азиатском горизонте засияла новая звезда первой величины. В ее свете меркнут усталые созвездия Европы. На азиатский континент ступила молодая имперская нация, вооруженная всеми достижениями западной техники и начертывавшая на своем знамени: «Азия для азиатов». Перед ней беспомощно склоняются знамена пресыщенных, обрюзгших, утративших вкус и волю к борьбе старых европейских наций...

Для того, чтобы измерить глубину падения европейского престижа и оценить степень голокружительного возвышения Японии, достаточно взглянуть на путь, пройденный ею только за последние четыре года.

Вспомните как реагировало американское и европейское общественное мнение и само правительство Китая, когда в 1931 году Япония приступила к реализации своей манчжур-

*) E. Lavisse, Vue général sur l'histoire politique de l'Europe.

ской операции. У всех свежи в памяти и отчаянное сопротивление, оказанное китайцами под Шанхаем и волна подлинного и искусственного негодования, которая всколыхнула на несколько месяцев всю мировую печать. В особенности, конечно, хорошо все помнят ту траги-комическую и глубоко-лицемерную истерику, которой разразились в Лиге Наций великие и малые державы обоих полушарий... Прошло четыре года. События показали, что Япония отлично знала, что она делала. Она мужественно перенесла бурю. Ее не смутили ни бешенные вопли псевдо-пацифистской печати, ни бессиленные резолюции Женевского ареопага, ни рискованная ставка на Советскую Россию, которую одно время пытались сделать Соединенные Штаты Америки... Сегодня Япония является полновластной владычицей всего Северного Китая. В кратчайший срок, после создания Манчжуко и завоевания Дзехола, рядом блестящих военных и дипломатических маневров она сумела распространить свое влияние за великую стену на Хопей, Тяньцзин и Пекин и теперь с логической последовательностью направляет свою акцию на освоение Внешней Монголии. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что и этот финальный этап возсоздания, подконтрольной Ниппону Северной Китайской Империи, будет проведен с той же неутомимой планомерностью Рока, которой запечатлена вся изумительная деятельность Главного Командования Квантунской армии.

Во всей этой феерической эпопее, которую наши современники наблюдают — одни в безсильном бешенстве, другие с восторженным сочувствием — наиболее существенное значение для грядущих судеб не только Азии, но и всего мира, имеют не столько военные успехи японского оружия, сколько моральная капитуляция Китая перед гением страны Восходящего Солнца. Склонившись перед всеми

ультимативными требованиями японского командования, эвакуировав Хопей и запретив деятельность своей собственной правящей партии — Куоминтанга — на всем пространстве Северного Китая, Нанкинское Правительство фактически отказалось от своих суверенных прав на эту часть Империи. Событие это, значение которого не может быть переоценено, означает что китайские националисты с маршалом Чан Кай Ши во главе, растратив все иллюзии и потеряв все надежды на возможность реальной помощи Америки и Европы, решили круто повернуть свою политическую линию, склонились перед неизбежным и ищут возрождения своей родины на путях дружбы и мирного сотрудничества с Японией.

Теперь открываются реальные возможности для осуществления обширных планов недавно созданного в Токио «Общества Великой Азии». Это «частное общество», в которое, однако, входят Председатель Японской Верхней Палаты и нынешний Министр Иностранных Дел г. Хирота, как известно открыто заявило, что создание Манчжуко является только началом революционного преобразования мира, во главе которого станет Япония в качестве вождя азиатского объединения. В Токио уже разрабатываются планы японо-китайского культурного и экономического сотрудничества, а гибкая японская дипломатия ведет в Нанкине умелую и тонкую работу, направленную к практической реализации этого сотрудничества...

Результаты не замедлят сказаться. Регулярная и интенсивная эксплуатация неисчерпаемых ресурсов огромного китайского материка, нормализация его административного и военного аппаратов и тесная координация китайской политической акции в Азии с идущими из Токио директивами, неизбежно сделают из

Японии самую могущественную в мире военную и морскую державу.

Осуществление лозунга «Азия для азиатов» не за горами...

Вот как расценивает создавшуюся на Дальнем Востоке ситуацию самая серьезная и сдержанная из парижских газет «Le Tan»: «В то время, как Западные державы боролись с результатами финансового и экономического кризисов и расточали свое влияние и ресурсы в раздорах, оставшихся в налде от Великой войны, Японское командование в Манчжурии, с редким самообладанием и минимальной затратой сил и энергии, выполняло в интересах Империи Восходящего Солнца, самый обширный и смелый план, какой только можно себе представить. Оно действовало с безумной отвагой иди лорю, когда это требовалось обстоятельствами, на перекор директи-

вам Правительства Токио, естественно озабоченного возможными дипломатическими последствиями подобной авантюры, ставя часто Императорское Правительство перед совершившимися фактами, рискуя престижем и ответственностью Империи... Ни Соединенные Штаты, ни Англия не в силах скрыть охватившего их волнения. Они вынуждены признать, что японская военная партия выиграла ставку и что политика «Азии для азиатов» переводится на практический язык более простой формулой «Азия для Японии»...

Так пишет официоз французского Министерства Иностранных Дел. Заключительная фраза приведенной нами цитаты, не оставляет сомнения, что «волнение, охватившее Лондон и Вашингтон», не остается без тревожного отклика и в Париже...

Гайдар Баммат.

Об армянских настроениях

Признаться, пишу не без некоторой оглядки. И без того журнал «Кавказ» и его сотрудники пользуются у некоторых армянских кругов репутацией «туркофилов», что в их представлении имеет почти значение «армянофобства», а тут, чего доброго, можно прослыть еще за «советофила», тем более, что соответствующая «атмосфера» уже создана. Некоторые армянские газеты селятся доказать, что советы ведут прозинуфильскую или азерифильскую политику. Попытка рассеять это недоразумение может привести к тому, что нас объявят «советофилами». Но полагаю, что сказать кое что все же нужно. Желание рассеять некоторые недо-

разумения, омрачающие взаимоотношения кавказских народов, превыше всего.

В грузинской газете «Дамоукидебели Сакартвело» дана сводка статей из армянской печати, позволяющая нам заключить, что думают армяне о своих кавказских соседях. Прочел и изумился. Изумился и ничего не понял, несмотря даже на то, что сводке этой посвящена внушительная передовица нашего национального тяжеловеса Акакия Ивашовича Чхеидзе. Утверждать, как это делают некоторые армянские газеты, что при поголовном большевизме рабстве, кавказским народам все же дана возможность у кого то что то отхватить, кого

то из соседей обидеть, а себе устроить счастливую жизнь, значить не только исказить правду, но и насиловать фантазию, которая в правде никогда не пуждалась. А между тем, стагги некоторых армянских газет самым откровенным образом говорят о том, что Армению обижают не только Москва, но и Тифлис и Баку, иначе говоря, Грузия и Азербейджан. Я уже не говорю о Турции, хотя последняя находится в приятельских сношениях с Москвой, а не с Грузией и Азербейджаном.

В аду всем одинаково тесно и душно и должно быть очень легко думать, что причиной этой тесноты и духоты является ближайший сосед по страданию. Большевизм — ад. Их «союз», их «федерация», которая столкнула «лбами» наши народы, ничто иное, как теснота и духота ада. Поэтому совершенно человечно, если в этом адском союзе народов ктонибудь и воображает, что наиболее худо приходится именно ему. Допускаю подобное переживание и у армян. Но неужели допустимо думать, чтобы большевики настолько распустили наши народы, что они занимаются межкавказской национальной политикой, грабят и насилуют друг друга, устраивают жизнь на выгоду себе и непременно в ущерб соседу. Поверить этому я не могу. Никакие ссылки, никакие цифры, никакой «успех», фактический или мифический, не убедят меня в том, что большевизм есть система, призванная устраивать вообще счастье народов, а в особенности народов им же покоренных. Газета «Айреник» заходит так далеко, что даже пишет: «Ясно, что грузины и татары и их великий господин Сталин не выносят в Армении тех армянских чиновников, которые борются с несправедливостями, происходящими там». Итак, Сталин, наш планетарный Сталин, объявлен грузино-азербейджанским шовинистом! О том, что Сталин грузинский шовинист — не говорят даже русские, хотя, раз-

ница между диктаторствованием Сталина в Москве и хозяйничанием армянских коммунистов в Эривани — огромная. Однако ошибочно думать, что существуют армянские «национальные» коммунисты, способные устроить счастье Армении, да только Сталин их не «выносит». Таких коммунистов нет, или говоря иначе, таких хороших грузинских коммунистов Сталин выбрасывал из Грузии стаями и Грузия о них не жалела. На это была своя веская причина. Красную армию на Грузию, на Армению, на Азербейджан и на Сев Кавказ вели именно эти хорошие грузинские, армянские, азербейджанские и сев.-кавказские коммунисты. Это они поделили между собой советизированный Кавказ, они же заключали договоры от имени наших народов. Тогда же и было, что председатель грузинского совнаркома Буду Мдивани (это уже из категории грузинских легковесов) грузино-армянский договор подписал, как выразился сам, с «закрытыми глазами», в силу которого к Армении отошла не малая территория, исторически всегда грузинская и только в эпоху нашей независимости объявленная спорной. Тогда это считалось хорошим большевистским жестом и грузинских коммунистов никто в Эривани не ругал. Это недурно вспомнить теперь, когда вдруг их объявляют грузинскими шовинистами.

На чем основано это убеждение? Ведь если грузинские коммунисты действительно шовинисты, то, это должно было сказаться, раньше всего, в самой Грузии, где живет столько армян, а не в Армении, где нет никаких грузинских коммунистов. А между тем о специальном угнетении армян в Грузии армянские газеты не говорят и, наоборот, это грузинам приходится молчать о деятельности армянских чекистов в Грузии. Но как видно из армянских статей, этот шовинизм, очевидно выразился в том, что грузинские коммунисты еще не обязательно

свихнули с ума и не «вернули» Армении Ахалкалакский уезд, видимо «отнятый» грузинами у армян. Залезать в ту даль, когда Ахалкалакский уезд стал «армянским», нам бы не хотелось, ибо перед нами вырисовывается явление совсем другого и более печального характера. По всему видно, что некоторые армянские круги возлагали на большевизм непомерно большие надежды. Похоже, что то на то, что большевизм должен был возродить чуть ли не всю историческую Армению. Причитания армянских газет о том, что большевики ничего не предприняли, чтобы Турция сделала что нибудь в пользу Армении, наводят неизбежно на эту мысль. Раздражение армянских газет, таким образом, является последствием того разочарования, которое эти круги теперь переживают.

Всем известно, как старались эти круги заселить советскую Армению, а то и другие республики, армянскими беженцами из Турции. Большевики это обещали, но сделали по своему. Все мы читали о судьбе этих гонимых людей, отданных на попечение большевицких обирал. Но Грузия и Азербейджан тут ни при чем. В особенности ни при чем тут благоволение Сталина грузинам и азербейджанцам. Если Сталин и поддерживает Грузию, то как веревка повешенного! Все мы висим и говорить в такой момент о том, что есть повешенные, которые «лучше» висят, не пристало! Все эти настроения надо сменить более бодрыми, более общими кавказскими настроениями.

Ш. Амиреджиби.

Из печального прошлого

В последних номерах «Кавказа», в связи с годовщиной политических событий в жизни кавказских народов, были напечатаны статьи воспоминания уважаемого генерала Квинтадзе, известного грузинского политического деятеля Ш. Амиреджиби, и армянского журналиста Г. Ашота Арцруни. Авторы статей, касаясь даты 28 апреля 1928 года — взятие Баку большевиками — заключают, что «об этом деле так то не принято ни писать, ни говорить». Г-н Ашот Арцруни допускает при этом ряд исторических ошибок, не лишенных некоторого привкуса инсинуации и приходит к заключению, что во всех бедствиях, постигших Республику Кавказа и в советизации их ответственным является Азербейджан. Такой тенденциозный под-

ход к историческим событиям и лишенный объективности анализ фактов не только не помогут разрешению Кавказской проблемы, но скорее еще более осложнят ее. Нам думается, что, после всего пережитого, долг кавказской политической эмиграции заключается в том, чтобы честно и добросовестно признать совершенные в прошлом ошибки и в том, числе — и может быть прежде всего — свои собственные ошибки и общими силами искать новых путей к освобождению своих народов и страны от чужеземного ига. Хитроумные попытки свалить всю ответственность на чужие плечи, усердные поиски соломинки в чужом глазу, при наличии бревна в своем собственном, способны лишь создать весьма неприятную и вредную для дела

атмосферу раздражения и неприязни. Только при взаимном лояльном признании ошибок, совершенных национальными группами и политическими партиями Кавказских народов и их ответственными руководителями, мы можем найти общий язык и понять друг друга. Основная же ошибка, общая для трех Закавказских Республик заключается в том, что они не учли во время одинаково грозившей им всем опасности и не сумели объединенными силами, в тесном союзе с Северо-Кавказской Республикой, организовать общую защиту границ Кавказа и потому враг побил нас по одиночке, а мы теперь ищем виновников наших поражений не там, где они находятся.

История любит правду. Новые, подрастающее поколение кавказских народов должны учиться на объективном и безпристрастном анализе событий тех дней. На этом опыте должны они готовиться к будущим политическим битвам...

Исходя из этих соображений, я, в качестве лица, принимавшего близкое участие в политической жизни Кавказских Республик, в частности в событиях, имевших место в Азербайджане, хотел бы осветить причины трагедии 28 апреля. Не имея под рукой письменных материалов, я должен буду в своем изложении руководиться, главным образом, личными своими воспоминаниями.

В мае 1928 года Кавказские народы провозгласили свою независимость. В отношении Азербайджана этот исторический акт носил в ту пору до известной степени платонический характер, ибо независимости была провозглашена в Тифлисе, в одном из номеров гостиницы «Ориант» и значительная часть Азербайджанской территории, со столицей страны — Баку, находилась под властью большевиков. После продолжительной и упорной борьбы с русскими и армянскими отрядами, нам удалось

взять Баку (17 сентября 1919 года) и освободить край от большевиков. Несмотря на разгоравшуюся гражданскую войну взоры красной и белой России не покидали Баку. Еще не окрепшее Азербайджанское Правительство, сейчас же, вслед за тяжелыми военными действиями, было вынуждено заняться изнурительной внутренней борьбой с коммунистическими ячейками и агентами добровольческой армии в многолюдном нефтяном районе, куда из портов Каспийского моря непрерывно проникали агенты красных и белых.

После окончания мировой войны, со вступлением в Баку английского оккупационного корпуса, деятельность белых русских организаций особенно усилилась. Отряды ген. Бичерахова, представители «Уфимского Правительства» и прочие агенты ген. Деникина, размножившиеся в рабочих районах коммунистические ячейки — все эти враждовавшие между собою элементы сходились в одном — в бешеной ненависти к национальному Азербайджанскому Правительству, которое, несмотря на многие другие заботы по устройству новой государственности вело успешную борьбу со всеми этими враждебными элементами.

Наступила зима 1919-1920 годов. Белые армии Деникина и Колчака терпели поражения. Разбитые деникинские корпуса катились к границам Кавказа. Бакинские коммунисты, руководимые Кавказским Комитетом Коммунистической партии из Тифлиса, чья приближение красных армий стали проявлять большую активность. Трезвые элементы Азербайджанского парламента чувствовали надвигающуюся опасность и в тревоге стали призывать правительство готовиться к обороне страны. В это время Министром Внутренних Дел в кабинете Усуббеи был М. Г. Гаджинский, недавно вернувшийся из Парижа и отнюдь не расположенный к борьбе с коммунистической опасностью. К несчастью

народа и страны, за все время независимого существования Азербайджана, наличие многочисленных политических партий в парламенте и постоянная их борьба между собою, делали правительство и режим крайне шаткими и неустойчивыми. Постоянные и длительные правительственные кризисы из-за личных и партийных раздоров, отсутствие сильной, дисциплинированной политической группы с решительными и твердыми руководителями или популярной авторитетной личностью, способной подчинить всех своей воле — не давали правительству возможность укрепить административный аппарат и заняться спокойной, нормальной государственной работой, в частности и важнейшей задачей — подготовкой обороны страны. Разно за четыре месяца до печального дня 28 апреля видные члены партии «Мусават» и группы беспартийных в количестве двенадцати человек собрались в частном и секретном порядке на совещание в кабинете покойного Фатали Хана Хойского, бывш. тогда Министром Иностранных Дел. Присутствовали и министры-мусаватисты, во главе с премьером, покойным Усуббеяли. На этом историческом совещании положение страны единогласно было признано крайне серьезным, требующим немедленных и решительных мероприятий. Правительству была предложена к исполнению следующая программа: 1) Устранить с поста Министра Внутренних Дел М. Г. Гаджинского и назначить на его место Министра способного организовать самую энергичную борьбу с коммунизмом; 2) В случае возможного ухода вместе с М. Г. Гаджинским министров — социалистов, немедленно заменить их другими; 3) Распустить Парламент и предоставить Правительству самые широкие полномочия по внешней и внутренней обороне страны; 4) Назначить выборы в Учредительное Собрание через 6 месяцев.

Все эти меры были вполне разумны и про-

диктованы самой неотложной необходимостью. Надо было только пожалеть, что они не были приняты значительно раньше. Во исполнение предначертаний «частного совещания» М. Г. Гаджинский действительно вскоре был вынужден уйти с поста Министра Внутренних Дел. За ним ушли министры-социалисты и иттихадисты; в кабинете остались мусаватисты и беспартийные. Но дальше это дело, к несчастью, не пошло. Дальнейшая реализация программы Совещания встретила глухую внутреннюю оппозицию, которую правительство преодолеть не сумело. Больше того, Гаджинскому, в виде компенсации было предоставлено Министерство Торговли и Промышленности и на этом посту он продолжал чинить большое зло своему народу разлагающей своей пропагандой среди своего окружения и ответственных членов партии «Мусават». В первую очередь подпал под его влияние тогдашний лидер партии М. Э. Расул Заде и некоторые из его ближайших товарищей. Концессия М. Г. Гаджинского была такова: большевики не нарушат независимости Азербайджана, если будет составлено Правительство, пользующееся доверием Москвы и если это Правительство предоставит Советской России льготные условия для вывоза нефти и другого необходимого для нее сырья. Таким образом, по мысли М. Г. Гаджинского, поддерживаемого М. Э. Расул Заде, оказывалось, что страна, вместо того, чтобы готовиться к обороне, должна искать путей сближения и соглашения с Москвой, — дабы таким образом получить от нее признание своей независимости.

В пятнадцатых числах марта на объединенном заседании «Мусавата» и беспартийных роковой вопрос этот был поставлен ребром. М. Г. Гаджинский в подробном докладе, со свойственным ему диалектическим искусством, изложил свою точку зрения, которая нашла в лице г. Расул Заде горячего защитника, целиком присос-

двигавшегося ко всем мыслям докладчика и поддержавшего все его заключения. Другая группа, к которой примыкал и пишущий эти строки, во главе с Ф. Х. Хойским, не питала решительно никакого доверия к большевиам и поэтому встретила доклад Гаджинского совершенно отрицательно. Мы говорили, что ни одна русская партия и никакое русское правительство никогда добровольно не признают независимости Кавказских Республик и что только при наличии у кавказских народов сильной армии и ярко выраженной воли защищать свою независимость с оружием в руках Красная Москва станет считаться с нами и остановится на наших границах. Поэтому мы горячо настаивали на необходимости принять немедленно все возможные военные меры к защите Республики и приступить к беспощадной чистке страны от коммунистов и сочувствующих им элементов. Для проведения этих мер мы предлагали облечь Правительство диктаторскими полномочиями и не теряя времени призвать соседние Республики к совместной обороне Кавказа. На этом собрании мы, к несчастью, остались в меньшинстве. Идеи М. Г. Гаджинского восторжествовали. Правительство Усуббейли подало в отставку. Составление нового кабинета было поручено М. Г. Гаджинскому, которому однако сделать этого так и не удалось. Шли безконечные переговоры о составе будущего Правительства; никто не хотел делить ответственности с Гаджинским и страна в такой остро критический момент жила без Правительства. А в это время враг не дремал. Усыпляя Гаджинских и Расул Заде лживыми мирными обещаниями, большевики готовились нанести Азербайджану смертельный удар.

23 марта 1920 г. армяне Карабаха, по заранее заготовленному плану, снабженные Армянским Правительством вооружением и под командой армянских офицеров, подняли восста-

ние и начали наступление на расположенные в Ханкенде и др. пунктах азербейджанские гарнизоны, отрезали их от центра и заняли стратегические Аскеранские высоты. Азербейджанское Правительство оказалось вынужденным в срочном порядке стянуть со всех сторон главные свои военные части в Карабах. В виду серьезности создавшегося положения Военный Министр генерал Мехмендаров признал необходимым взять на себя командование сосредоточенными в Карабахе войсками и лишь после упорного сопротивления и серьезных военных действий возстание удалось подавить. Однако ко времени выступления против Азербейджана 11-ой советской армии азербейджанские военные силы еще были заняты ликвидацией армянского возстания. Северные границы Азербейджана фактически были совершенно оголены. В настоящее время ни для кого не секрет, что возстание в Карабахе было вызвано Армянским Правительством. Оно явилось результатом координированного плана Эривани и сов. командования, имевшего целью облегчить операции наступавшей на Азербейджан 11-ой армии. Помимо тех вещественных доказательств и документальных данных, которые были найдены на убитых во время боев армянских повстанцев, своевременно оглашенных в печати, факт этот впоследствии был подтвержден самим Эриванским Правительством в докладной записке, поданной им в июне 1920 года в Москву в Комиссариат по делам национальностей и в Ц.К. Коммунистической партии. Сведения об этом были опубликованы в советской печати. Согласно этому документу роль армян в советизации Азербейджана сводилась к следующему: Армянское Правительство и Карабахский Революционный Комитет вошли в непосредственные сношения с командованием 11-ой советской армии. По взаимному соглашению сторон было решено поднять в Карабахе воз-

ста мне в первый день Новруз Байрама, с целью отвлечь как можно больше азербайджанских военных сил в Карабах, дабы этим облегчить наступление красной армии на Баку.

Вот одна из настоящих причин советизации Азербайджана, а потом и всего Кавказа. А вот другая: в марте 1920 г. приезжал в Баку Министр Иностранных Дел Грузии Е. П. Гегечкори. Министр Иностранных Дел Азербайджана Ф. Х. Хойский отдававший себе ясный отчет в серьезности надвигающейся большевистской опасности, предложил своему грузинскому коллеге принять необходимые меры к реализации заключенного еще летом 1919 года против генерала Деникина, но оставшегося мертвой буквой, оборонительного союза Грузии с Азербайджаном. Однако такая конкретизация военной связи с Азербайджаном не отвечала уже в этот момент видам социалистического правительства Грузии. В это время их эмиссар Уртадзе от имени Грузинского Правительства вел в Москве переговоры с Чичериним на предмет признания Грузии большевиками... О том как далеко было меньшевистское Правительство Грузии от понимания реальной обстановки и связанности его собственных интересов и территориальной неприкосновенности Грузии с судьбами Азербайджана, свидетельствует та дипломатическая игра, которой в ответ на конкретное предложение Ф. Х. Хойского о срочных военных мероприятиях, признал своевременным заняться Е. П. Гегечкори. Грузинское Правительство может обсудить этот вопрос, заявил Министр Иностранных Дел Грузии, если Азербайджанское Правительство декларативно признает неотъемлемые права Грузии на Батум и его область. Конечно, Ф. Х. Хойский, не усмотрев никакой связи между сделанным им предложением и поднятым Е. П. Гегечкори вопросом, но тем не менее от имени своего Правительства он тотчас изъявил готовность проде-

klarировать, что Азербайджан никаких территориальных притязаний на Батум и его область не имеет. Но этого меньшевистскому Министру показалось недостаточно. Попытка Ф. Х. Хойского перед лицом грозной опасности нависшей над обеими республиками, добиться реальной координации военных сил Грузии и Азербайджана осталась безрезультатной.

Вот та реальная обстановка, в которой социалистическое Правительство Грузии уклонилось от совместной с Азербайджаном защиты Закавказья от готовившегося уже наступления красной армии.

Спустя две недели, в начале апреля на Закавказской Конференции в Тифлисе, в которой приняли участие делегаты Армении, Грузии и приняли участие делегаты Армении и Грузии и ским и Х. Б. Хасмамедли, на предложение Азербайджана о создании конфедерации и совместной защите ее границ — представитель Армении А. Агораньян откровенно заявил. «Армения не может удовлетвориться пределами нынешней независимой Армении, состоящей Эриванский уезд...»

После советизации Азербайджана, уже проживая в Тифлисе, я получил из Ганджи сообщение, что вскоре всыхнет возстание против большевиков... Тогда Грузия находилась в состоянии перемирия с красной армией. Я и покойный доктор Гасан бей Ага оглу отправились к Н. В. Рамишвили с просьбой повременить заключением мира с большевиками и помочь Азербайджанскому возстанию. Отлично помню, что в конце беседы я в большом волнении сказал Рамишвили: «Ной Виссарионович, помните, что Россия не остановится на Пойлинском мосту, пока не поздно, помогите нашим повстанцам! Может быть военное счастье улыбнется нам и мы очистим Азербайджан...» На это Рамишвили безцеремонно ответил: «Азербайджан не мо-

жет существовать без Грузии, Грузия же может прожить и без Азербайджана!»

Как известно, возстание в Гандже произошло. Оно было длительным и кровопролитным. Меншевицкая Грузия, которая по мнению социалистических стратегов могла прожить и без Азербайджана, осталась безучастной к Азербайджанской трагедии. Понадобилось меньше года, чтобы грузинский народ на жестоком опыте познал цену меньшевицкой стратегии и меньшевицкой дипломатии...

После этих исторических фактов, о которых г. Арцруни, каалось бы, должен был кое что слышать, как можно говорить о добровольной сдаче Азербайджана Москве и об ответственности Азербайджана в деле советизации всего Кавказа? К 28 апреля Азербайджан переживавший тяжелый внутренний политический кризис, втянутый комбинированными действиями Армянского Правительства и командования 11-ой советской армии в борьбу с армянскими повстанцами в Карабахе, при совершенно безразличном и пассивном отношении союзной Грузии — оказался фактически безсильным противостоять какой бы то ни было вооруженную силу наступавшей красной армии.

При минимально добросовестном отношении к фактам, при некоторой воле считаться с создавшейся обстановкой, нельзя не признать, что отнюдь не по упущению и вине одного Азербайджанского Правительства русская красная армия перешла границы Закавказья и Азербайджан, а вслед за ним и Армения и Грузия стали жертвами кровавой Москвы. Несчастье это произошло при непосредственном активном содействии Армении и непростительном попустительстве социалистического Правительства Грузии.

Если бы армянские дашнаки и грузинские меньшевики в 1919 году стали честно и твердо на платформу Кавказской Конфедерации и объ-

единенными силами защитили северные границы Кавказа, то советизации Кавказских Республик не было бы места и сегодня. Кавказские народы наврени жили бы самостоятельной жизнью.

Азербайджан и Северный Кавказ с 1917 года стремились к этому, но, увы, наши протянутые руки повисли в воздухе.

Мы не знаем для чего нужно было г. Арцруни выкапывать из архива шущенные в свое время в оборот и опровергнутые тотчас же инсинуации и сказки о каком то мифическом соглашении между генералом Шихлинским и Казим Кара бекир пашой. Кому полезно делать из Нури пашы какого то коммуниста, когда всем кавказцам отлично известно, что этот верный друг Кавказа, спасший не одну тысячу армянских семей в Гандже, всегда был ярым врагом большевиков и до советизации Азербайджана вел активную партизанскую войну против коммунистов в Дагестане и позднее в Карабахе?

Я думаю, что армянским политическим деятелям изложенные выше исторические факты должны быть известны. Наши грузинские и армянские компатриоты не должны бы с другой стороны забывать и того, что в Закавказском Сейме именно представители Азербайджана всегда были яркими сторонниками отделения Кавказа от России, и что они же в дни независимого существования Кавказских Республик неоднократно обращались к ним с предложениями о создании Кавказской Конфедерации.

Пусть Азербайджанские правители совершили в прошлом не мало ошибок. Но никто не сможет упрекнуть их в отсутствии верности. Мы уверены, что и в будущем никто не будет иметь повода упрекнуть в этом Азербайджан.

Рустамбейли Шефи.

23 июля 1935. Истамбул.

Судьба мавров

Енукидзе не первый и вероятно не последний.

Ненасытный хищник, именуемый революцией, любит пожирать собственных детей.

Жертвой русской революции стало и много крупных большевиков — рангом ниже и выше Енукидзе. Старая гвардия Ленина будет скоро вся исчерпана.

Их уход с исторической арены ни в ком не вызывает сожаления; хозяева их выкинули и во след им понеслось проклятие народа.

Более интересной оказывается оценка той политической ситуации и комбинаций, жертвой которых они стали.

Дело Енукидзе вот уже третий месяц стоит в центре общественного внимания в той, конечно, мере, в какой оно комментируется мировой прессой (производителем некоторый анализ русской революции извне, а равно выявление союзных с ней сил и их претензий). Громче всех шумит русская социалистическая меньшинская пресса, но конечно вне России.

В их представлении происшествие это имеет простое объяснение...

Они ведь и русскую революцию мерили меркой Карла Маркса. Ведь Ленина и Сталина эти господа тем и попрекали, что те, не следовали точному завету Маркса; других недостатков в их действиях они не видели. Оказывается, что все «несчастья» там в России и здесь в Европе — с ее фашизмом и национал-социализмом — лишь последствия этого греха.

*) Настоящая статья печатается одновременно на грузинском языке в органе грузинских националистов «Клде» № 13.

Сейчас «несчастье» это достигло наивысшей точки и грозит катастрофой миру и ее святой троице — социализму, демократизму и парламентаризму.

Спасение положения — в «едином фронте» социалистических, демократических и коммунистических сил.

В этот тяжелый момент, оказывается, и Енукидзе вспомнил своих старых друзей — марксистов, находящихся за границей.

Сам «большой» барин, Сталин, который так сочувствует образованию «единого фронта» за границей, нисколько не намерен иметь их у себя дома и, как передают, непрошенных посредников безцеремонно выбросил, за дверь.

Пришедший в экстаз грузинский соц.-дем. орган «Брдзolis Хма» (№ 54, июнь, 1935), с развязным кокетством перерзрелой женщины, повествует нам об этом. Мы не сочли бы это повествование достойным внимания грузинского или иностранного читателя, если бы к нему не примешивались другие обстоятельства.

Газета принадлежит тем социал-демократам, не-русским по крови, которые были видными вождями Р.С.Д.Р.П., и ревностно защищали единство России, служили этой идее, пока стечением обстоятельств эта идея и сама партия не были выброшены из России. Новым властителям эти мавры оказались ненужными и их выкинули; но теперь, когда народились иллюзии (больше в их воображении, чем в действительности) возможности переустройства России на демократический лад — в них проснулись надежды и, в ожидании милости, они устремили взор на Москву. Если и были какие либо преступления перед Москвой — приносят

за них полное покаяние и усердно рекомендуют себя в качестве опытных борцов с грядущими на мир националистическими, фашистскими силами.

Они верят, что Москве снова понадобятся их услуги.

В том же номере газеты помещена статья одного из бывших лидеров Рос. Соц. Дем. Раб. партии, г-на Жордания, под названием «Господство Хитлера». По мнению автора — «свою свободу народ (германский) потому только променял на деспотию, что демократическое правительство оказалось бездейственным». Оно (Дем. П-во) заняло совершенно «неприемлемую и совершенно неожиданную позицию: оно карало проступки непосредственных виновников, в то время, как сама партия, ее вожди и организации оставались под защитой закона и продолжали свою разрушительную работу». Старого марксиста, сеятеля раздора, настолько захватил порыв борьбы, что он поучает: «демократия должна быть воинственной, активной и защищать себя всей мощью государственного аппарата». К сожалению (факт весьма печальный) автор этой статьи не только лидер социал-демократической партии, но, к несчастью, и бывший председатель грузинского меньшевистского правительства, который и по сегодняшний день не оставляет претензий на представительство и руководство национальной политикой страны.

Что Жордания активно боролся за насаждение «социализма» и «демократизма» это бесспорно. Руины страны и стонущая под тяжелым игом Грузия красноречиво свидетельствуют об этом, но также и о том, что ни разрушители, ни дух разрушения ей больше не нужны, ибо там больше нечего разрушать. Что уцелело от меньшевиков — dokonчили большевики, आवश्यकное движение на необъятной терри-

тории СССР и смена персонажей ничего общего не имеют с чаяниями этих господ.

Там давно изжито все то, что политически и социально оправдывало негативное существование социал-демократии. Там ведется борьба за национальные идеи, поправные Москвой.

В этой борьбе объединены все не-русские, составляющие численно половину населения Советского Союза и проживающие компактной массой на собственных территориях, богатых промышленными и хозяйственными возможностями мирового значения.

Движение это — народное — националистическое. Классовая борьба, общественная распря, которые когда то вскормили марксизм — там не имеют места.

Националистическое движение там — внутри Союза, естественно ищет союзника в родственных ему движениях — во вне, — и не ошибается.

На Востоке именно националистические движения и национальные государственные образования обезсилили и обрезали крылья своему кровному врагу — московскому большевизму. Обновленный Восток не станет мириться с соседством государства, сеющего раздор и смуту.

Это должны все знать, и прежде всего знают те народности, которые пребывают под игом Москвы. Они же знают, что здесь (в Европе) исчерпана всякая надежда на помощь со стороны европейских социалистических и демократических сил и государств. Не только о помощи, но о сохранении нейтралитета говорить не приходится. Все эти силы сейчас находятся или в государственном союзе с Москвой, или в «едином фронте» и выступают в качестве ее защитниц и друзей.

Во что обошлась нашему народу вера в эти социалистические и демократические силы — ярко иллюстрируется печальными примером недавнего прошлого нашей страны.

Именно в период пребывания у власти Макдональда, Вандервельде и министерства 2-го интернационала (1924 г.) Грузия особенно сильно истекла кровью.

Где только они оказывались у власти, там заглушался вопрос о безправном положении народов, ограбленных и обезличенных советской (русской) властью; а само освободительное движение переименовалось в «реакционное».

Равне могла бы иметь место та смелая и благородная речь в нашу защиту, которую произнес представитель Швейцарии г-н Мотта в Лиге Наций перед присоединением туда Советской России — если бы вместо него были соц.-демократы вроде тов. Гримма или женевакого «попечителя» тов. Николь?! Чтобы было если бы во внутренней борьбе в Швейцарии г-н Мотта понес бы поражение и власть перешла бы к союзникам Н. Жордания — социалистам?... Не трудно себе представить.

Практическое осуществление идеи освобождения национальностей в России не было делом социализма и демократизма; оно получило толчок в результате мощного продвижения германских армий на Восток, при чем, добытую свободу сохранили те народы, которые свою страну не принесли в жертву социализму и марксизму, а сумели создать национальные государства. Гениальность маршала Пилсудского и его величие в том и заключаются, что он во время слез с «красной тележки» и национальными силами создал национальное государство.

Теперь, у всех борющихся за национальную свободу — у нас здесь и там у них — имеется одна максимальная программа: восстановление того, что утеряно под флагом социализма и интернационализма, восстановление отнятой государственной независимости, восстановление связи и взаимоотношений между соседями там и с передовыми культурными госу-

дарствами по эту сторону, при чем в основу этих международных отношений должны лечь принципы новой Германии, т. е. культурное и экономическое сотрудничество при политической свободе и равенстве сторон.

Социал-демократии и ее «единому фронту» тут делать нечего. Их приход — там — знаменует борьбу против освободительного движения, а здесь — организацию нового военного фронта при содействии неизсякаемых русских сил против европейской культуры и национального возрождения.

Миссия этих роковых людей закончена и в смысле «социальном».

Население приобщилось к марксистским «благодетиям» не только по усеченной программе меньшевиков — но и максимальными большевистскими дозами; цель достигнута, программа выполнена, а в результате обнищала страна, опролетарился народ, который, осознав весь этот ужас, с боем отступает назад, рвет знамя и плюет на те лозунги, которые и по сегодняшний день украшают их орган: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»

Именно опролетарившийся народ борется сейчас за национальную свободу и достоинство. Русские гонят не-русски со своих предприятий, не-русские отвечают тем же и не терпят их на своей земле и на своих фабриках. Хроника русской жизни полна ежедневными кровавыми столкновениями. Советское правительство называет эту активность русских рабочих «великодержавностью» — а не-русских — «шовинизмом», но переименование названий не меняет положения; борьба продолжается. Этой борьбой вызван к жизни и «уклонизм», насчитывающий уже много жертв. Какое же отношение к этому движению имел Енукидзе — не видно, но несомненно «национальный элемент» играл роль в постигшей его опале. Тут мы не имеем в виду человечность и гуманность, которые еще

сохранились в этом горце - грузине и которые не были всецело вытравлены режимом и чекой.

Енукидзе занимал высокий пост в Москве и если он провинился, то надо было его там же наказать.

Но вместо этого его сперва назначают на пост президента Закавказских Республик, где уже царил недовольство теми последними международными договорами, которые заключило советское правительство и которые носили характер не красно-коммунистических, а чисто-

русских. Недовольной оказалась и коммунистическая среда. Жертву необходимо было взять оттуда. Взяли. Мавр должен был уйти! Мавры еще уйдут!

И если г-на Енукидзе потому постигла гонимая участь (как это здешние социал-демократы свидетельствуют) что он будто бы видел спасение в этих, отверженных судьбой людях, то должны ему сказать, что от вторичного разочарования он все же избавился.

Шалва Карумидзе.

Кавказ и Россия

III*)

— Уберите вон этих мерзавцев!

Едва ли можно хоть приблизительно догадаться, в каких условиях раздалось это восклицание.

Так отправлял в свидетельскую комнату топившихся в зале заседания свидетелей председатель чрезвычайной сессии военного суда.

Происходило это на Северном Кавказе в гор. Грозном в 1906 году. Терская область была тогда объявлена на военном положении после всех событий 1905 года, — разбои и предумышленные убийства подчинялись поэтому юрисдикции суда военного.

Мне пришлось именно тогда выступать в качестве защитника по целому ряду дел, разбивавшихся одно за другим в течение двух сессий в Грозном. Все крупные уголовные процессы последнего времени были приурочены к этим

мум сессиям, когда в городе пребывала специально приехавшая коллегия военного суда.

Наказание — смертная казнь. Надо было или совсем оправдать подсудимых или приговорить их к повешению. Никаких промежуточных приговоров, ни тюрьмы, ни каторжных работ.

Состав суда подобрался чрезвычайно внимательный и добросовестный. Строевые офицеры: два подполковника, из которых один армянин, и двое войсковых старшин — казаки. Председательствовал военный юрист ген.-майор Шмерлинг, судья строгий, по прямой, совестливый, безукоризненно честный — аккуратный добросовестный немец.

Положение суда было поистине тяжелое. В те времена человеческая жизнь в условиях мирного государственного властвования еще считалась более или менее значительной ценно-

*) См. «Кавказ» ном. 14, 15 и 18.

стью. — смертные казни еще не успели при-
мсылькаться, и нормальные порядочные люди не
хотели брать на свою совесть повешение че-
ловека, если была не полная уверенность в его
виновности.

А разве могла создаться для русского су-
да эта уверенность в результате добросовестно-
го судебного следствия по разбойным делам и
по убийствам из кровной мести среди мусуль-
ман, в особенности на Сев. Кавказе? Можно
даже сказать, что чем внимательней и добро-
совестней велось следствие, тем больше возни-
кала неясных и запутанных вопросов, в боль-
шинстве совсем неразрешимых.

Между психологией суда и населения раз-
общение полное, обоюдное непонимание, отсут-
ствие общего языка и в прямом и в переносном
смысле. Не подлежит никакому сомнению, что
почти сплошь все свидетели совершенно созна-
тельно лгут, — одинаково и со стороны защи-
ты и со стороны обвинения. Это просто род-
ственники и друзья двух враждебных сторон,
пришедшие для взаимной тяжбы, часто для
взаимного оклеветания перед ворвавшейся в их
жизнь третьей силой, с которой, разумеется,
повелею считаться необходимо, но которую об-
манывать, так сказать, велел сам Бог.

Никакой твердой базы не дают и показа-
ния русской администрации. Ведь дело обыкно-
венно происходило так: совершено кровавое
преступление, но виновники, конечно, куда то
скрылись. Высшая администрация требует их
от низшей, которая всеми законными и неза-
конными способами выколачивает их из мест-
ного населения: военные посты, аресты стар-
шин, денежные взыскания, беседы с глазу на
глаз с влиятельными людьми, — словом, меры
расадействия, где личная изобретательность на-
чальника играет первенствующую роль. В конце
концов какие то виновники преступления обык-
новенно на сцену появляются. Администрация

свое сделала — пусть дальше разбирается пра-
восудие.

Но если это правосудие действительно доб-
росовестно, то в сущности по редкому делу
можно было с уверенностью вынести обвини-
тельный приговор. И показания низшей адми-
нистрации на суде в особенности производили
неприятное впечатление, давая обыкновенно бо-
гатый материал не обвинению, а защите. Опыт-
ный прокурор всегда скользил мимо этих пока-
заний, а наоборот — опытный защитник долго
держал какого нибудь помощника окружного на-
чальника или незадачливого пристава, который,
чем далее, тем более запутывался сам в сетях
своего полицейского дознания.

Я помню случай, когда один из них, еще
очень юный, новичек на Кавказе, только что
назначенный из России, видимо простоватый
неудачник, попавший по какой то протекции,
прямо таки расплакался в судебном заседании,
взмолившись к председательствовавшему:

— Ваше превосходительство, где же мне во
всем этом разобраться? Языка здешнего не
знаю, да и сколько тут языков то, — где же
их познать! Виновных мы, конечно, нашли, а
уверждать, что они виновны, — как Бог свят,
не могу. Поддержите, ваше превосходительство,
войдите в положение... Дело наше трудное... ни
днем, ни ночью покоя нет... Кто их разберет —
чертей этих — сами видите...

Конечно, плачущий на суде пристав был
единичным исключением, но самые авторитет-
ные и высокомерные, из представителей нашей
администрации, в виду тех мер, какие прихо-
дилось им принимать для обнаружения престу-
пников, не могли внушить добросовестному
судье должного для приговора доверия. Редко-
редко попадался действительно знающий край
опытный и толковый человек из старых кавказ-
цев, понимавший и местные наречия, который

хоть кое что мог разъяснить в запутанном деле, разбираясь в его бытовой обстановке.

Ведь почти никогда не могло создаться убеждения, что выданы те именно люди, которые действительно совершили преступление. Мало-ли какие семейные и другие счеты определяли имена лиц, выдаваемых селением, как преступники в данном темном деле, под угрозой кар, налагаемых на всех жителей?

Корректив у суда был обыкновенно такой: по возможности слабое наказание. По этой линии ориентировалась уголовная судебная практика, на Кавказе при добросовестных судьях в составе присутствия.

Преступления в таких случаях чаще всего квалифицировались, как совершенные в состоянии запальчивости и раздражения: со всеми степенями снисхождения три года арестантских отделений при убийстве и один год при покушении. Но это могли делать судьи гражданские. Если же местность была объявлена на военном положении, то в делах, подпавших юрисдикции суда военного, можно было только или оправдать или приговорить к повешению.

Вот и получился, благодаря этому, такой абсурдный результат в течение тех двух сессий в гор. Грозном, о которых я начал говорить. Военный суд, которого ждали, как высшую судьбой посланную кару, обязанную навести ужас, вдруг стал одного за другим оправдывать подсудимых, в самых страшных разбойных делах. За первую сессию по семи разбиравшимся делам с несколькими десятками подсудимых, не было вынесено ни одного обвинительного приговора. Между тем, при нормальных условиях, т. е. без военного положения, обыкновенные уголовные судьи приговаривали бы, конечно, многих в арестантские отделения, а иных и в каторжные работы.

Не могу при этом не подчеркнуть, что г.г. офицеры в данном составе судебного присут-

ствия с большим вниманием и интересом следили за показаниями нижней администрации и вынесли убеждение полной невозможности на них базироваться.

Мне впоследствии говорил один из судей — казачий войсковой старшина, человек во всяком случае очень искренний:

— Никому нельзя верить... Кто побоище — чем то связан, кого то выгораживает, зависит от местных богатых родов, иногда, наоборот, у них вымогает... А есть и просто одухи, — с которыми еще труднее. Вы не подумайте, что я на стороне местного населения, — отнюдь... Врут силось, — но им, разумеется, на задачи нашего управления в высокой степени наплевать... И все их сельские власти — эти почетные старики, — хитрецы и пройдохи. Потому то я и не могу доверять обвинению, что преступники выданы по их указаниям. Но повесить человека только за то, что он во вражде со своим старшиной — тоже не хочется. Если бы я мог его на два-три года в тюрьму — с удовольствием: глаза, конечно, разбойничьи, а уверенности полной нет...

Так разсуждали самые правдивые люди, самые гуманные, потому что задача, поставленная перед ними, была им не по силам.

А вот что говорил в частной беседе прокурор — солидный военный юрист, тоже, как и председатель суда, из русских немцев — если память мне не изменяет — полк. Цоге фон Мантейфель.

Я нарочно привожу фамилии, чтобы лишней раз указать, какую роль в старом российском государственном аппарате играли немцы — добросовестные, аккуратные охранители порученной им законности. Более или менее удовлетворительная работа этого аппарата целиком обязана немецкой бюрократической школе старого Петербурга, — и где, в какой среде, ду-

мают найти им заместителей идеологи нового национального империализма России?

— Это черт знает что, — горячась, говорил полковник, — нам дают в руки такой шаткий обвинительный материал, из которого ничего ровно соорудить нельзя. От актов полицейского дознания прямо хоть отказывайся: пережестов пополам с недобросовестностью, и это в местности с чужим, инородным населением, где другой бытовой уклад, иные чувства и понятия, где мы должны быть в роли культурных деятелей, где мы не имеем права ошибаться, а когда ошибаемся, не должны это сами же громогласно подчеркивать. А что такое наша нынешняя сессия военного суда с ее эпизодными оправдательными приговорами, как не торжественная декларация нашей государственной несостоятельности? Какое это должно произвести впечатление в стране? Дискредитирована власть, дискредитировано правосудие. Скандальная манифестация нашей неспособности управлять, искоренять преступность, поддерживать уважение к закону. Нельзя ставить в такое положение военный суд. Повидимому, мы не в своей роли, не могут г.г. офицеры разобратся во всей этой путанице бытовых взаимоотношений, где надо хорошо знать край, где надо привлечь каких то надежных экспертов. Генерал Шмерлинг очень взволнован, раздосадован и даже подавлен результатами сессии...

Действительно у генерала были потом неприятные объяснения по поводу всех этих оправдательных приговоров — было ему постав-

лено на вид, что суд под его председательством оказался каким то «государством в государстве», дискредитирующим работу администрации.

И вот почему, в естественном предвидении этих будущих неприятностей, так потерял свое обычное хладнокровие строгий законник генерал, и уже на пятом или шестом процессе, возненавидел всех его участников, орал на подсудимых, орал на участников, орал на подсудимых, орал на правосудие:

— Уберите вон этих мерзавцев!

Я нарочно взял из былой практики случай, где имелась налицо полная добросовестность главных действующих лиц.

Как и в прошлом очерке, где я говорил о школе, эти вырванные из памяти эпизоды касаются людей честных, благожелательных, искренно стремившихся к какой то государственной пользе. Я далек от огульных обвинений, от намеренной клеветы на старую Россию.

Но если так слагалась действительность при честных и просвещенных участниках, то что же должно было получаться в итоге при обычной человеческой недобросовестности, не говоря уж о случаях намеренных злоупотреблений?

Дело в том, что самая задача культурного управления краем все более и более оказывалась не по силам России.

В. Оленин.

О причинах развала и гибели Российской Империи

Помимо причин общих для всех вообще, быстро растущих, искусственно создающихся, империй, которые неминуемо привели бы, рано или поздно, к развалу и Россию, толчком ускорившим ее крушение послужила, вызванная Великой войной, революция. Вернее: тот факт, что Россия вышла до окончания войны из строя и что февральская революция не удалась. Следовательно: в причинах выхода России из лагеря союзников, в причинах неудачи «Великой безкровной», а равно и неудачи «белого движения», которое, казалось, было начато с целью исправить ошибки Временного Правительства*) можно искать и причины гибели Российской Империи.

Россия 1914 г. была таким же империалистическим государством, как Германия и Австро-Венгрия, а потому выступление императора Николая II, Самодержца Всероссийского, царя Польского, великого князя Финлянд-

ского и пр. и пр., против Вильгельма II-го, императора Германского, короля Прусского, герцога Силезского, великого князя Познанского и пр. и пр., было — противоестественно. Выступив на стороне демократических государств, которые начав с «Droits de l'homme» в борьбе своей за освобождение личности логично подошли к «Droits des peuples» к освобождению национальностей, Россия сама должна была превратиться, до окончания войны в демократическое государство или выйти из ненормального союза, в случае победы которого, торжество демократических принципов противоречило бы интересам ее, как империалистического государства. — «Рост национализма противен Российской Империи», — сознаются «русские» патриоты и это безусловно верно, но разве можно было бороться за освобождение народностей, находившихся под гнетом Германии и Австро-Венгрии и, закрывая глаза на существование на своей собственной территории инородцев, продолжать угнетать целый ряд народностей? Ведь, демократические принципы, применяемые к сербам, чехам, словакам, хорватам и пр., логически и справедливо должны были быть распространены на поляков, украинцев, казаков, кавказцев, туркестанцев и пр. В войне 1914 г. Россия воевала против самое себя и нет ничего удивительного, что Империя, построенная ренегатами разных наций на иллюзии, что можно создать государство «из разных народов и различных рас», под единым и однообразным правлением — распалось на свои составные части, а императорская власть испарилась и исчезла, как мыльный пузырь.

*) «В конце 1917 г. вожди Добровольческой армии объявили, что они идут в союз с крайями и народами России, что все русские люди, собравшиеся на Юге, будут защищать до последней капли крови самостоятельность этих краев, что русские ведут борьбу за Учредительное Собрание». Тогда же командующий Добровольческой армией ген. Л. Г. Корнялов в своей программе писал о том, что он признает «право на самоопределение шарабошечных народов». «Донская летопись» т. 2 и «Архив русской революции» т. 9, стр. 285.

**

История социально - революционного движения в России замечательна одною особенностью, это ее двойственность: по двум параллельным путям идущие, две особые истории. Одна — история того движения, которое было заимствовано с Запада, после французской революции 1789 г., руководимое представителями высшего слоя населения, начиная с «декабристов» и кончая разночинцами «с.-д.» и «к.-д.». Другая — история народных восстаний и бунтов, шатавшихся в толще народной. Если первая характеризуется копированием заплата, зазубриванием наизусть чужих программ, теорий и идей: («Мы плохо знаем русские факты и очень хорошо не русские идеи», — В. О. Ключевский), то вторая, наоборот, являясь стихийной, опиралась на действительность и лишена была теорий и программ. Народники поняли свою оторванность, пытались слиться с народом, но результат бывал всегда таким, каким логически завершилась февральская революция. Болотниковы - Булавины - Пугачевы шли своим путем и им никогда не было по пути с Рылевыми - Герцами - Керенскими - Милюковыми. «Временное Правительство» заняв место испарившейся 27 февраля 1917 г. императорской власти, сильное своим знанием парламентской жизни всех стран света, уверено было; что все пойдет как по маслу. Ведь изучить и подготовить программу своей деятельности лучше, чем это сделали члены его — было невозможно. Упустило оно лишь одно, что его идеи совершенно не подходили к российской действительности и очутившись без почвы, само выдохлось 25 октября того же года.

**

Еще Александр I-ый в 1824 г. говорил Ф. П. Лубяновскому: «Славы для России до-

вольно; больше не нужно; ошибется кто больше пожелает...» На горе России, преемники Императора Александра I-го не пожелали вовремя остановиться и в стремлении своем к безконечной славе, вели Россию от позора к безчеству:

Подавление польских восстаний 1831 и 1863 г.г.

Безобразнейшее и безстыднейшее завешивание Кавказа, Хивы, Бухары и т. д.

Позорная Крымская война 1854-1855 г.г.

Русско-Турецкая война 1877-1878 г.г. и наконец:

Позорнейшая Русско - Японская война 1904-1905 г.

В своем неудержимом стремлении поглотить Россия создала себе нового врага в лице инородцев. Прибавив к вышеуказанным двум движениям, стремление всех без исключения народностей, насильем включенных в Империю, вырваться из под ненавистного ига, мы получим три элемента, находившихся постоянно в оппозиции правительству. Имея общего врага, удары всех трех часто сливались в одно направление, образуя, как бы одну равнодействующую силу приложенных к одной точке*), но лишь только общий враг — Российское Правительство — исчез, как немедленно же выяснилось, что:

1) Русская интеллигенция «наличная чужими теориями построения жизни сама отошла от жизни России и жизнь в конце концов выбросила ее вон».

2) Русский народ оказался не только без

*) Герцен и Бакунин оказывали помощь польским повстанцам, в котором принимали участие кавказцы, как в свое время поляки воевали в рядах горцев против «русских» и т. д.

власти, но и без руководителей, а потому: оставленный на произвол судьбы, не по своей вине, естественно, и легко пошел за большевиками.

3) Иностранцы очутившись без опекунов приступили к восстановлению своих национальных государств, так грубо разрушенных насилием Императорской России, и на территориях насильно прицепленных к Московскому Государству, чуждые «великороссам» народности вернулись к своей, прерванной кратковременно, исторической жизни. — Казалось, что с конца 1917 г. события начали идти по нормальному руслу; что естественный ход событий восторжествовал над теми, кто планы свои строил на иллюзии стремясь навязать насильно то, что никак не подходило к действительности. Но вдруг, откуда не возьмись, появились вновь, непонимающие совершающихся вокруг них событий, всевозможные авантюристы. Нарушая гостеприимство приютивших их инородцев, вооружившись законами

старой Российской Империи пытались они навязать то, что сама жизнь отбросила как ненужный обветшалый хлам и лишь внесли такой хаос, из которого ни злосчастное население, ни сами «великодержавные творцы этого столпотворения Вавилонского, выбраться потом никак не могли». В результате оставив за собою всюду, где только они не появились кровавые воспоминания, разрушили, одно за другим, воскресшие, но не успевшие еще окрепнуть, государства, погубили казачество, разорили Сев. Кавказ и предали всю территорию бывшей Российской Империи в руки, усилившихся за их счет и по их глупости, большевиков, а теперь в эмиграции осмеливаются одни читать доклады заявляя: «И под светским мундиром может биться «русское сердце»; а другие лекции об «Истории Российских Колоний». О генералах без армии и о патриотах без родины, но с «колониями» — в следующий раз.

Вахтанг Карелели.

По свежим следам большевицкого разгрома

II.

ИЗРЕШЕТЕННЫЕ ТРУПЫ

Под свежим впечатлением драматического рассказа старика, я долго не мог уснуть. Тяжелое, невыносимое положение, в котором очутился наш народ благодаря преступной бездеятельности, беспечности и неумелости одних и безпринципности других наших «справящих кругов», ощущалось мной с особенно заострившейся болью. Наконец к 5-ти часам утра, толь-

ко сон начинал овладевать мной, как вдруг я был разбужен целым хором женских воплей, плача и причитаний. Вскочив с постели я быстро оделся и вышел наружу, направляясь в сторону откуда раздавались голоса женщин. Так я дошел до арестного дома, перед которым я заметил группу женщин и детей, плачущих и причитающих, в самых душу раздирающих

выражениях и тонах. Подошел и осведомился о причине таких lamentаций. Не переставая плакать женщины мне передали, что ночью их мужья были внезапно арестованы и водворены в арестный дом.

— Одни говорят, что их расстреляют, другие говорят, что их выплут. Кто же будет кормить наших детей?

Желая разузнать в чем дело, я пошел в сельский совет и там узнал от секретаря, что ночью чинами ГПУ был произведен повальный обыск в деревне с целью обнаружения оружия и что 17 видных сельчан были арестованы как «кулаки».

— Какая участь их ждет? — спросил я. — Неужели то, что мне передали женщины — правда?

В ответ секретарь лишь пожал плечами.

В тот же день имущество арестованных было конфисковано и их скот направлен для пополнения запасов провизии карательного отряда, действующего против крестьян. Так прошло несколько дней в продолжение которых мы слушали как чекисты после сытного стола, играли на гармонике, танцевали и кричали пьяными голосами: «Долой кулаков!»

Их пьяное торжество составляло резкий контраст с воплями и причитаниями женщин и детей.

На 22-ый день Рамазана (мусульманского поста), когда, по местному обычаю, сельчане возвращались гурьбой с кладбища, где происходила читка Корана над прахом умерших, сельские власти остановили возвращающихся и приказали им собраться в ограде мечети «по приказу свыше». Когда народ собрался у мечети, глашатаи объявили, что такой то «товарищ», прибывший из Баку, будет держать речь. «Товарищем» оказался начальник политической секции большевицкой армии, армянин, который начал с того, что 12 из 17-ти

арестованных «кулаков и противников советской власти», будут расстреляны сегодня же, после чего этот «товарищ», назначенный Москвой решить судьбу азербайджанских крестьян, произнес длинную речь о колхозном строе и объявил, что противники коллективизации должны искать себе убежища «не на земле, а под землей». После этой «речи», крестьянам разрешили разойтись по домам.

К 9 часам вечера послышались за селением звуки выстрелов: то чекисты доканчивали своих жертв. На следующий день известие подтвердилось с волнующими подробностями. Рассказывали про мужественное поведение Султан-юзбаша, который не переставал глумиться над палачами (даже после того, как был задет первыми пулями.

— Я не умру от ваших гяурских пуль! — кричал он чекистам.

Я вспомнил благородную фигуру этого крестьянина: высокого роста, осанистый, коренастый, с голубыми глазами, с белыми зубами, то и дело показывающимися из под его белокурых усов, приветливый и гордый одновременно, прозванный сельчанами «дивом» за свою незаурядную физическую силу — таков был этот добродетельный кавказский труженник земли, который не пришелся по вкусу красным палачам кавказских народов...

Султан-юзбаша имел одну красивую дочь, похожую на него самого. Мы видели как каждый день утром и вечером эта девушка ходила к месту расстрела своего отца и к его могиле, проливая горькие слезы. Горе этой молодой девушки трогало даже тех, кто сами имели над кем плакать. И к жалобным причитаниям женщин, оплакивавших своих мучеников, прибавились новые строфы, внушенные глубоким горем (Сурея — так звали несчастную девушку: «Глаза твои, смотрящие из за дерева полны кровавых слез;

Мое сердце рвется на части, когда я вижу тебя так горько плачущей;

Не плачь, Сурей, ангело-подобная,

Не плачь, мы вытрем слезы твоих голубых глаз.

Ты не одна: у нас у всех сердце в огне,

Но наши руки связаны кровавым законом.

Не плачь, Сурей и т. д.

Выяснилось также, что наше село не было единственным, где произошел чекистский разгул: в Балакенде было расстреляно 13 человек, в Кахах — 9, в Кувахе 17 и т. д.

Перед такими репрессиями, многие крестьяне, захватив свои ружья, вновь удалились в леса, где деревья начинали уже покрываться листвой. Власти заволновались. Местным агентам был дан приказ добиться во что бы то ни стало возвращения беженцев. В Казма-Шабурне арестовали родственников бежавших из этого селения; им объявили, что если «бунтовщики» не вернуться с покаянием в течение трех дней, все они будут расстреляны. Несчастные заложники были вынуждены отпустить своих жен, рыскать по лесам, для увещевания инсургентов. В лесах Куваха женщины нашли крестьян и стали их умолять вернуться по селам, иначе их родные будут расстреляны. Но даже и эта угроза не поколебала решения отчаявшихся крестьян.

— Мы не вернемся, — ответили они, — если гаурам угодно нас иметь, так пусть сами придут сюда — мы их встретим как надо.

Три дня прошли и несчастные заложники, старики большей частью, были расстреляны. Так исполнили свою угрозу красные узурпаторы.

Часть инсургентов скрывалась в лесах Куваха, а часть удалилась в дагестанские горы. За ними была снаряжена целая экспедиция. Отряд посланный за группой повстанцев,

действовавших в дагестанских горах, вернулся ни с чем, потеряв 8 убитых, в том числе двух красных командиров. Потом рассказывали, что семи из повстанцев, во главе с их шефом, Молла Меджидом, удалось добраться до Турции. Отряд красных, действовавший в лесах, в начале потерпел большой урон, т. к. противник был невидим. Тогда чекисты прибегли к самой безчеловечной и отвратительной мере, не применяемой даже среди готтентотов: население окрестных сел было «мобилизовано», не исключая женщин и детей, для розысков точного местопребывания повстанцев, а красные части, прикрываясь сельчанами, следовали за ними. Дабы избежать пролития крови своих, повстанцы были вынуждены покинуть леса и переправиться через Алазань на территорию Грузии. Переправа была произведена на Ширакской равнине, где расположен большой «совхоз». Извещенные об этом политической секцией, отряды грузинского ПИУ, встретив беглецов пулеметным огнем, вновь заставили их переправиться на другой берег Алазани и искать убежища в лесах. Но уже открытые противником, в продолжении 4-х дней они отстреливались от наседавших на них красных частей, пока, наконец, их патроны не изсякли. Тогда они забившись в одну из прогалин, стали ждать. Но большевики, мстя за отчаянное сопротивление открыли по безоружным уже повстанцам огонь из пулеметов и забросали прогалину ручными гранатами.

Когда, наконец, «космелев», они приблизились к месту стоянки повстанцев, большевики увидели перед собой одну лишь груду изуродованных тел.

Мухаджир.

(Продолжение следует)

„Факты и События“*)

«.....Подлинная история не скоро еще произнесет свой приговор. А тем временем «история» обволакивает мутным туманом не только личности, но и те идеи, движения, которые в основе своей имели одно желание — счастье родины» жалуется ген. Деникин в статье**), направленной против бывшего Кубанского Атамана ген. Филимона, который в 5-ой книге «Архива Русской Революции» рассказал историю разгрома Кубанской Рады, повидимому в не очень лестном для бывшего Главнокомандующего освещении.

И еще не успел ознакомиться со статьей ген. Филимонова и в период борьбы ген. Деникина с Радой был далеко от Кубани, а потому и не берусь судить в какой мере бывший атаман повинен в «обволакивании мутным туманом» личности бывшего вождя Доброармии и идей, им представляемых.

Но ген. Деникин обвиняет атамана Филимонова в том, что увлекшись личными счѣта-

*) Настоящая статья была написана в 1922 году в ответ на статью генерала Деникина: «Факты и События», появившуюся в издававшейся тогда в Париже еженедельной газете «Слово», и на основании закона о печати, со значительными купюрами была напечатана в той же газете в номерах от 13 и 20 ноября. Имея в виду в ближайших номерах «Кавказа» вернуться к вопросу о северных границах Северо-Кавказской Республики и взаимоотношениях горцев с казаками — мы сочли не бесполезным, в виде вступления, воспроизвести полностью настоящую статью. Ред.

**) «Слово» № 12.

ми, он обходит молчанием факты, «имеющие существенный интерес для истории» и сурово ему об этих фактах напоминает.

Однако, безгрешен ли сам ген. Деникин в этом отношении. Подлинно ли все факты сохранились в его памяти? и кроме того он вероятно согласится, что факты тоже имеют свойство менять свой облик в зависимости от того освещения, которое им дается и в результате получают факты и «факты».

Как же ген. Деникин освещает факты, которые он счел нужным припомнить?

«В начале 1919 года, рассказывает ген. Деникин, добровольческая армия освободила от большевиков весь Северный Кавказ. Горские племена, населяющие Терскую и Дагестанскую области, — кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы и Дагестан, сохранив полное внутреннее самоуправление, вошли в состав Терско-Дагестанского края, подчиняясь управлению Главного Командования».

Идиллия полная — не правда ли.

«Но, продолжает генерал, в феврале на Кавказе, в Темир-Хан-Шуре, объявилось сгнившее было самозванное «Горское Правительство» или «Меджлис» и подняло восстание против южно-русской власти.

Черкесы, Кабарда и Осетия не признали вовсе «меджлиса», в Ингушетии шло все время глухое брожение, а в Чечне и в Дагестане с весны 1919 года и до оставления нами Кавказа то замирая, то вновь разгораясь шла кровавая, изнурительная борьба между Чеченцами и Дагестанцами с одной стороны и вооруженными силами Юга с другой. Борьба,

ослаблявшая противобольшевицкий фронт и подчас угрожавшая самому бытию Терского казачества».

«В начале 1919 года сохранив полное внутреннее самоуправление вошли в состав «Терско-Дагестанского края», а в феврале начали «кровавую, изнурительную» борьбу, ибо объявилось сплунувшее самозванное правительство». (Не лишено пикантности это «самозванное» в устах ген. Деникина, очевидно избранного по 4-хвостке и всенародно, помазанного на Южно-Русскую, а затем и Верховную власть).

Действительно, ген. Деникина нельзя упрекнуть в том, что он «обволакивает историю туманами. Совсем наоборот. В его изложении все так просто и безоблачно ясно — не слишком ли, однако? Так ли просто делалась эта кровавая история и так ли проста и ясна была роль, которую в ней сыграли ген. Деникин и его сподвижники.

Вот в двух словах то, что происходило на территории горских народов Кавказа в описываемую эпоху и эпоху, непосредственно ей предшествующую.

На состоявшемся в первых числах мая 1917 года в городе Владикавказе первом Съезде Горцев Северного Кавказа и Дагестана организовался Союз Объединенных Горцев Кавказа, ставивший задачей защиту политических и экономических интересов горцев.

На втором съезде, имевшем место в том же Владикавказе в сентябре-октябре того же года, в виду положения, создавшегося в столицах, Союз декларировал свою автономию, перформировал свой Центральный Комитет в Правительство и решительно стал на путь борьбы с большевизмом. Были приняты меры к более тесному сближению с Закавказьем (также отказавшимся в лице своего Комиссариата санкционировать советскую власть), с

одной стороны, и с Кавказым Объединением (Юго-Восточный Союз) с другой.

Однако катастрофический развал Дона и Кубани и развитие большевизма в среде казачьего и иногороднего населения Терека побудили Горское Правительство покинуть города Владикавказ и Грозный и перенести резиденцию в Дагестан, куда и прибыли в начале марта 1918 года часть Горского Правительства и штаб Кавказского Туземного Кавалерийского Корпуса. Но после большевистского переворота в Баку и неудачной попытки Дагестанского Национального Комитета, в котором фактически сосредоточилась власть Горского Правительства, освободить Бакинский район от большевиков, Дагестан в свою очередь сделался ареной острой борьбы с большевиками. Большевикам удалось захватить полностью железной дороги Баку-Грозный, а также и Темир-Хан-Шуру, но дальнейшее проникновение их внутрь Дагестана было остановлено.

Тем временем делегаты Горского Правительства вместе с представителями Закавказья приняли участие на мирных конференциях с Турцией в Трапезунде и в Батуме.

В процессе этих переговоров, как известно, Грузия, Азербайджан, Армения и Северный Кавказ провозгласили свою независимость и заключили в начале июня 1918 года, каждая в отдельности, договор дружбы и добрососедства с Турцией.

На основании договора с Горской Республикой, Турция предоставила в распоряжение Горского Правительства небольшой отряд, на вербованный из эмигрировавших в Турцию кавказских горцев, и некоторую помощь оружием. Комбинированные действия этого отряда со стороны Баку и Дагестанцев, все время державших фронт к северу от Темир-Хан-Шуры, а также активная работа чеченцев и ин-

гушей, привели в начале октября 1918 года к полному очищению всего Дагестана, Чечни и Ингушетии от большевиков.

Таким образом в утверждена ген. Деникина, что в начале 1919 года Добровольческая армия освободила весь Северный Кавказ от большевиков, приходится внести существенную поправку — значительная часть Северного Кавказа, а именно Дагестан, Чечня и Ингушетия были освобождены самими горцами, значительно ранее прибытия добровольцев.

На территории, освобожденной от большевиков, Горским правительством немедленно были произведены выборы. В Темир-Хан-Шуре был создан Парламент (Союзный Совет), временно пополненный представителями районов, еще не занятых национальными войсками Горского Правительства, в лице делегатов, избранных в сентябре 1917 года на общегорский Съезд.

Союзное командование, устроившее свою главную квартиру в Баку, вошло в деловые сношения с Горским Правительством и аккредитировало при нем своего представителя, полковника Рауленсона.

Тем временем, поддержанная Союзниками, Доброармия успешно боролась на Северном Кавказе с большевиками и в начале 1919 года подошла к городу Владикавказу, который был занят за счет Горского Правительства ингушской милицией.

Вот тут то и начинается пикантная история того, как «горские племена, населяющие Дагестанскую и Терскую области, сохранив свое полное внутреннее самоуправление, вошли в состав «Терско-Дагестанского» края, подчиняясь управлению главного командования».

В конце января ген. Ляхов, назначенный Главновачальствующим еще несуществующего

«Терско-Дагестанского» края, обратился к Горскому Правительству с требованием о самоликвидации и передаче власти ему.

3-го февраля ген. Шатиловым от имени Главного Командования было предъявлено горцам ультимативное требование о разоружении Ингушей, передаче города Грозного, выплате контрибуции Ингушами в размере 120 миллионов рублей и Осетинами — 30 миллионов. Одновременно была объявлена мобилизация горцев в возрасте от 18 до 40 лет.

Эти требования были подкреплены фактическим открытием военных действий против Горцев. Первые столкновения произошли в районе Ингушетии и Чечни — и не были очень удачны для добровольческого оружия. Ген. Шатилов, руководивший добровольцами и раненный в этих боях, вероятно не забыл обстоятельств этого дела и мог бы, если бы пожелал, освежить в памяти своего бывшего Главнокомандующего забытые последним факты. Дальнейшее течение военных событий было однако временно прекращено вмешательством английского командования.

24-го марта командующий британскими войсками на Кавказе передал Горскому Правительству следующее сообщение: «1) по британскому предложению ген. Деникин согласился прекратить военные операции и не предпринимать наступления на Дагестан. 2) Генерал Ляхов будет смещен. Ген. Деникин создал «modus vivendi» с чеченцами, ингушами, балкарцами и осетинами. 4) Мир восстанавливается в ожидании решения Мирной Конференции, которой принадлежит решение вопроса о независимости и границах Северо-Кавказского государства. 5) Горское Правительство с своей стороны разрешает утилизировать Порт-Петровск для укрепления Гурьева». Несмотря на исключительно тяжелый характер этого предложения, обрекавшего всех горцев, за ис-

включением дагестанцев, впредь до решения Мирной Конференции, на «modus vivendi» с ген. Деникиным, Горское Правительство должно было его принять.

Но государственная мудрость Доброармии, конечно, не могла перевернуть существования Горского Правительства хотя бы и на одном квадратном аршине горской территории и уже 27-го марта Доброармия разгромила ряд чеченских аулов и фактически возобновила военные действия.

Горское Правительство сделало все, чтобы локализовать конфликт сговориться с ген. Деникиным.

Делегаты Правительства ездили к Главнокомандующему в Екатериондар и здесь из разговора с ним убедились, что добровольческое командование никакого соглашения с горцами не желает...

Борьба продолжалась, но, конечно, силы были слишком неравные, — в середине мая добровольческие части пришли в Петровск. Горское Правительство пало. Часть его членов эмигрировала, часть была арестована, а часть — поступила на службу к Деникину (были и такие).

Так «вошли» горские племена Дагестана, Чечни и др. в состав «Терско-Дагестанского края».

Первый период организованной борьбы Горского Правительства против Доброармии закончился.

Затем началась обычная история контрибуций, реквизиций, выколачивания с крестьян в пользу помещиков убытков, нанесенных большевиками, история принудительного набора добровольцев, повального взяточничества, грабежей и т. д.

И неизбежное свершилось.

Через 2 1/2 месяца добровольческой оккупации в Дагестане разразилось возмание и

начался второй период борьбы горцев против Доброармии, период «кровавой, изнурительной борьбы», которой суждено было сыграть такую значительную роль в крушении Южно-Русского правительства и в развале Доброармии, как вследствие широты и упорства горского движения, так и в силу идейной его связи с оппозицией Кубанской Рады, приведшей к заключению известного «Договора Дружбы».

Между прочим договор этот был заключен в июле 1919 года в Париже не «меджлисом», а делегацией Горского Правительства с одной стороны и делегацией Кубанской Рады с другой.

«Меджлис» же горских народов Кавказа был создан лишь в августе 1919 года в городе Тифлисе из членов бывшего Горского Правительства и Представителей Национальных Советов и имел задачей организацию материальной и моральной помощи Совету Обороны Республики Северного Кавказа, который на местах руководил восстанием.

Переходя к «не безинтересному» для истории вопросу, в чем же состоит «Договор Дружбы», я полагаю, что в целях более объективного суждения о сущности документа, следует возстановить те пункты договора, которые ген. Деникин почему то не воспроизводит в своей статье, (между прочим, эту забывчивость он проявил и в своем приказе о предании военно-полевому суду за «измену России» лиц, «Договор Дружбы» подписавших), — пункты эти следующие:

2) Установление территориальных границ между Кубанью и Республикой Союза Горских Народов должно быть предметом особых последующих дружественных соглашений между договаривающимися сторонами.

5) Признавая желательным самое тесное экономическое сближение между договаривающимися сторонами, Правительства Кубани и Союза Горских Народов обязуются урегулировать

вать путем особых дополнительных договоров вопросы: А) товарообмена и таможенный; Б) транспорта (железнодорожных, водных, грунтовых путей); В) почт и телеграфа; Г) денежного обращения.

Я думаю, что эти два пункта очень важны для безпристрастной оценки как подлинного содержания инкриминируемого документа, так и умонастроений его авторов. Они ясно свидетельствуют, что договор был продиктован идеей солидарности интересов всех народов, ныне населяющих Кавказ, без различия национальностей, духом равенства и справедливости, стремлением к устранению исторических преступлений, стоящих на пути к культурному, экономическому, а впоследствии и к неизбежному политическому сотрудничеству коренных жителей и хозяев Кавказа — горцев, со вчерашними завоевателями — казаками.

Конечно, Кубанская делегация понимала, как понимают теперь и многие трезвые и дальновидные терские деятели, что для достижения этой высокой задачи необходимо, чтобы «исторические счета», как выражается ген. Деникин, терцев с горцами, получили справедливое разрешение. Жаль, что ген. Деникин не говорит, в чем эти «исторические счета» заключаются.

Речь идет о волюющем положении чеченцев, ингушей и осетин, притиснутых стратегическим расселением терского казачества к бесплодным скалам и обреченных вследствие этого на беспросветную нищету, вымирание и разбой ради хлеба насущного.

Всем, кто хотя бы поверхностно знаком с положением вещей на Терее, известно, что справедливое разрешение аграрного вопроса есть *conditio sine qua non* мира и спокойствия в этом крае.

200.000 терское казачество, изображающее помещичий класс на теле миллионного гор-

ского населения Терее должно поступиться своими богатыми излишками в пользу ограбленных хозяев этой земли. Иного выхода нет. Это хорошо поняли большевики и сделали соответствующие выводы.

Понимали это впрочем даже люди, в преданности которых белой идее нельзя сомневаться, как нельзя сомневаться в симпатиях их к казачеству и в отсутствии исключительной нежности к горцам — например граф Уваров, который занимал какой то высокий пост при Начальнике Терско-Дагестанского края и посвятил этому вопросу очень интересную и объективную работу, вследствие опубликования которой, если не ошибаюсь, должен был оставить свой пост.

Считать актом «измены» России и «предательством» Терского казачества стремление разрешить единственно возможным и справедливым путем этот проклятый вопрос и тем самым обезопасить численно ничтожному, по сравнению с горцами, Терскому казачеству мирное и дружеское соседство со своими соседями может только тот, которого наказал Юпитер.

Нет, конечно, сомнения, что идеология Быча и его товарищей существенно развилась от идеи и в особенности практики Южно-Русского Правительства.

После долгих колебаний, Кубанская Делегация действительно стала на путь самостоятельной политики.

Будущий историк, вероятно, скажет свое безпристрастное слово и по поводу того, какую роль в этой эволюции кубанской политической мысли сыграл сам ген. Деникин, его окружающие и вся добровольческая практика. В то время Кубанская Делегация еще не считала, что самостоятельность является для нее самоцелью... Мы видели в Кубанских делегатах представителей чистого федерализма, понявших,

наконец, что путь добровольного и дружеского объединения народов и областей, путь объединения, продиктованного единством экономических и культурных задач, есть единственный выход из того хаоса, в который вверглась бывшая Российская Империя со всеми населявшими ее народами...

«Сепаратизм», «измена России», — Бог мой. Какие громкие слова. Они очевидно были нужны в свое время для борьбы с политическими противниками и предания их военнополовому суду, — но для историка, так чувствительного к «мутным туманам», может быть было бы осторожнее после многолетней давности, не вспоминать об этом. Ибо ведь для последовательности генералу Деникину придется признать, что и сам он до некоторой степени повинен в грехах Быча, Калабухова и других, ибо ровно через полгода после приказа о предании суду кубанских «сепаратистов», быстрый ход событий привел его к декларации, в которой он торжественно признал «своевременным пойти навстречу заветным стремлениям горских народов и создать на территории Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Бумьской плоскости, Салатавии и Дагестана объединенное государственное образование... и признать фактически таким образованием «Союз Объединенных Горцев Кавказа». (Приказ Главноначальствующего на Северном Кавказе).

Может быть ген. Деникин вспомнит, что по странной проницательности судьбы, главой Временного Горского Правительства, возникшего в городе Владикавказе, в результате столь «своевременного» признания (ровно через пять дней советские войска вступили в город), был один из авторов пресловутого «Договора Дружбы» между Кубанью и Горской Республикой, руководивший, в числе других Дагестанским восста-

нием, а именно пишущий эти строки и моему заместителю, Ахмеду Дударову, передал власть уходящий в Грузию со своими войсками Главноначальствующий Северного Кавказа генерал Эрдели.

Будущий историк гражданской войны на Кавказе, вероятно, не без удивления сопоставит эти два документа, исходящие от одной и той же власти и столь чуждые друг другу по духу и содержанию и может быть этот историк, далекий от партийных и личных счетов наших дней, не осудит строго Кубанскую Делегацию за то, что она не согласилась признать идеалом мудрости политику, которая привела к созданию нового обширного фронта, в тылу и к «кровавой, изнурительной борьбе, ослаблявшей большевистский фронт и, подчас, угрожавшей самому бытию Терского казачества!» к борьбе тем более нецелой и бессмысленной, что всего несколько месяцев тому назад горцы с оружием в руках защищали свою свободу против общего врага — большевиков и следовательно были фактическими союзниками Кубани и принявшей ее в кубанских станицах и черкесских аулах горсти первых и, кажется, подлинных добровольцев.

В заключение грядущий историк вероятно признает, что не только идеи ген. Деникина «имели в основе своей одно желание — счастье родины» — что этим желанием не в меньшей мере были проникнуты и те, которые позорною смертью на виселице запечатали свою любовь и преданность родине — родине, которую они мыслили свободной и обновленной, ставшей справедливой и любящей матерью для всех народов, ее населявших...

Гайдар Баммат.

Генерал И. З. Одишелидзе о причинах поражения Грузии

Правительство
Республики Грузии
Помощник Военного Министра

3 января 1921 г.

№ 64/49

Гор. Тифлис.

Сов. секретно

По ознакомлении подлежит возвращению в Совет Обороны.

Копии:

Председателю Штаба Народной Гвардии,
Военному Министру.

Из всех сведений, имевшихся в нашем распоряжении в конце ноября — в начале декабря прошлого года явствовало, что командование Советской России рассчитывало в середине декабря повести общее наступление против республики, причем, повидимому, очень большие расчеты возлагались на взрыв изнутри, каковой и должен был послужить в сущности сигналом для вторжения извне.

Примечание 1-е. — Официальный доклад письменный, за подписями моею и Начальника Штаба, был представлен еще раньше, в ноябре 1920 г. В октябре 1920, т. е. еще раньше, я официально устно докладывал Правительству во время заседания его. Остались протоколы этого заседания. И октябрьский и ноябрьский доклады 1920 г. совершенно одинаковы с этим докладом по существу: они требовали усиления и подготовки армии к неминуемой войне с Россией.

Примечание 2-е. — В ноябре же 1920 года я делал официальный доклад в соединенных комиссиях военного и иностранных дел Учредительного Собрания с представителями фракций. Итого за время октябрь-январь четыре раза и каждый раз с одинаковым выводом: мы в смертельной опасности.

Однако провал этого выступления и казис-то политические события в самой Советской России, на которые ссылается в своем докладе командир 11-ой армии Геккер, разстроили этот план и проектируемое наступление не состоялось.

Но отмена наступления в декабре еще не знаменует окончательного устранения для нас опасности со стороны России и большевики, очевидно продолжают готовиться к войне с нами, что видно из помянутого уже выше доклада командира 11-ой армии, который рекомендует отложить наступление на Грузию до выполнения определенных условий: сосредоточения в Азербейджане семи пехотных дивизий и второй конной армии (до 30.000 штыков и 5.000 сабель), прибытие и завоз в Ганджу хлебных маршрутов по декабрьским и январьским нарядам, заключение с турецким командованием соглашения, обеспечивающего советское наступление со стороны турок и, наконец, окончание перегруппировки 9-ой армии (была расположена в Кубанской области), предписанное главнокомандующим Каменевым.

Таким образом советское командование лишь откладывает наступление до того благоприятного момента, когда все будет готово у них для этого наступления. Это обстоятельство

объявляет меня обратить внимание Совета Обороны на то положение, в котором ныне находятся наши вооруженные силы и предложить ряд конкретных мер, совершенно необходимых по моему мнению для поднятия боеспособности этих сил с тем, чтобы они могли вполне свободно противостоять неприятелю, вероятные силы которого указаны выше. По этому вопросу я имел предварительное совещание с представителями Главного Штаба Народной Гвардии, Генерального Штаба и Войскового Командования, причем они пришли к тем же выводам, которые я представляю в сем докладе.

Прежде чем перейти к перечислению этих мер, я позволю себе несколько остановиться на той военно-политической обстановке, которая сложилась к настоящему моменту, вокруг Республики, дабы яснее стало то распределение сил, которое в дальнейшем будет мной предложено.

Отношение Сов. России к нашей Республике вполне определяется как содержанием указанного мною выше доклада командира 11-й армии Геккера, так и имеющимся в распоряжении нашего Министра Иностранных Дел материалом. Что же касается тех сил, которые сможет направить против нас Россия, то и это обстоятельство достаточно точно освещено в упомянутом выше докладе и определяется следующими данными: против нашего восточного фронта от Красного Моста до Закаталы направляется активная группа в 6-7 пехотных и 5 кавал. дивизий (до 30.000 штыков и 4-5 тысяч сабель); для прикрытия пассивных направлений — Владикавказского и Сочинского — оставляется по одной пехотной дивизии (до 8.000). Если к этому прибавить возможность вторжения в Южную Осетию с Северного Кавказа вооруженных осетин, числом до 3.000 (данные разведки об осетинских формированиях на Северном Кавказе), то со стороны Сов. России мы должны рассчитывать иметь против

себя до 40.000 штыков и 5.000 сабель. При этом активная группа до 30.000 штыков будет действовать на наших восточных и юго-восточных границах.

Другим нашим врагом в случае столкновения с Сов. Россией, явится, очевидно, Сов. Армения, которая будет угрожать южным границам Республики в Борчалинском уезде. Данные об армянских вооруженных силах в настоящее время весьма неопределенны и по видимому бывшая ее армия находится в полной дезорганизации, а Хумбетты и вообще сочувствующие дашнакам до сих пор не разоружены (разговор по прямому проводу Бекзадяна с Мравьяном и телеграмма Чичерина наркоминделу Армении). Однако, в случае войны с Грузией даже Сов. Правительство Армении найдет достаточное число желающих выступить против нас вооруженных армян, а если к этому прибавить возможность восстания против нас армянского населения Борчалинского уезда, то окажется, что и с этой стороны мы будем иметь вооруженного врага, численностью до 10-15 тысяч человек.

Обращаясь к следующему нашему соседу, к Турции, надо признать, что отношения ее к нам не совсем выяснены: с одной стороны она является официальным союзником Сов. России, а с другой военное командование этой самой России в случае наступления на Грузию проектирует иметь особый заслон против войск Казим-Карабекира паши и самую возможность наступления ставит в связь с выяснением позиции этих войск. Завязавшиеся в последнее время между нами и Ангорой связи дают основание думать, что турки в предстоящем нашем столкновении с Россией не выступят, во всяком случае в начале, против нас активно, а будут выжидать результатов первых столкновений, и только в случае нашего поражения немедленно займут области, оставшиеся за нами по Брест-Литовскому договору.

Что касается сил, которыми располагают турки в Закавказьи, то известно, что силы эти доходят до 20-25.000; кроме того 3-ья дивизия в районе Трапезунда до 5.000, которая может быть тоже притянута для действий против Батумской области. Если считать, что Карабекир паша будет все таки вынужден оставить какой нибудь заслон против Армении и ограничиться в этом отношении 10-15.000, то и в таком случае против нас он может направить 15-20.000. Если же к этому прибавить до 15-20.000 повстанцев, мусульман Батумской области и Ардаганского округа, то мы на нашем Юго-Западном фронте будем иметь противника до 35.000 человек.

Оговариваясь, что последнее обстоятельство будет иметь место не сразу, и в наиболее худшем для нас случае.

Таким образом в случае столкновения с Сов. Россией, мы будем иметь против себя до 50-60.000 русско-армянских войск, а в случае присоединения к ней и Турции — до 75-90.000. При этом наиболее активным театром авится юго-восточная граница Республики, откуда противник поведет наиболее интенсивное наступление для захвата административного, политического и военного центра Республики — Тифлиса.

Исходя из этих данных, а также принимая во внимание наше географическое и стратегическое положение (центральное положение и действие по внутренним операционным линиям), необходимо сразу захватить инициативу в свои руки, а для этого мы должны быть в состоянии, в любом пункте наших границ сосредоточить в нужный момент превосходные над противником силы; т. е. например в случае выступления Сов. России, собрать на восточной нашей границе до 35.000, а на южной до 10.000, имея при этом еще в резерве до 15.000 для других направлений.

Таким образом общая численность наших вооруженных сил должна доходить до 60.000 пехотков и сабель.

Кроме того образ действий наших войск должен быть исключительно активный, быстрый и энергичный, что вызывается с одной стороны нашим стратегическим положением, а с другой характером нашего вероятного противника, весьма впечатлительного и неспособного к стойкости и длительному сопротивлению, что учитывается и командованием Сов. России, когда оно в докладе Командарма 11-ой армии предлагает захватить инициативу в свои руки. К этому надо добавить наше экономическое положение, которое не позволяет нам затягивать военные действия и требует быстрого решения вопросов, а также характер нашего солдата, способного к порыву, к стремительности, но не любящего длительных испытаний.

Очерченные стратегические условия и общий характер предстоящих действий войск настоятельно требуют крайней подвижности последних, что в свою очередь обусловлено состоянием путей сообщения и в этом отношении нам нужно принять самые решительные меры к немедленному снабжению железных дорог запасом нефти для поддержания их движения на должной высоте в случае начала военных действий. Поэтому необходимо, ценою каких-бы то ни было затрат, приобрести необходимый запас нефти за границей, т. к. надежды на получение таковой из Азербейджана конечно нет.

Ниже мною будет указано, какие именно дороги в районе предстоящего театра военных действий необходимо привести в полный порядок, здесь же ограничусь лишь указанием крайней желательности постройки железно-дорожной линии Цюрис-Цхали - Лагодехи, что значительно улучшит в сравнении с противником наше стратегическое положение в отношении обороны Алазайской долины.

Однако, для подвижности войск имеют значение не только пути сообщения, но и обозы, сопровождающие и питающие войска, а также конский состав артиллерии и конницы. А между тем в этом отношении наша армия находится в крайне печальном состоянии, т. е. лошадей ныне не хватает в армии против штата до 40 проц., а имеющиеся налицо вследствие безкормицы находятся в крайне дурном состоянии. Самые обозы пришли в ветхость и вряд ли будут в состоянии вынести длительные походы. Ниже мною будет предложен ряд мер для приведения в порядок этой части армии.

Настоящая численность наших вооруженных сил весьма далека от той необходимой для борьбы с Сов. Россией цифрой — 60.000 штыков, которую я указал выше. В настоящее время мы насчитываем всего лишь около 25.000 штыков, кои распределены следующим образом: Гагринский район — 1.900 шт., Батумская область — 4.900 шт., Ахалцых-Ахалкалаки-Ардаганский район — 4.500 шт., Лагодехский район — 1.000 шт., Казбекский район — 150 шт., Юго-восточный фронт — 9.500 шт. и наконец в резерве в Тифлисе — 2.500 шт.

Для доведения вооруженных сил Республики до потребной численности я считаю совершенно необходимым:

а) теперь же призвать новобранцев контингента 1920 г. с тем, чтобы весной их можно было уже поставить в строй;

б) теперь же подготовить возможность нормального развертывания пехотных батальонов в трех-батальонные полки и производство некоторых дополнительных формирований, что потребует дополнительного призыва двухгодичного контингента запасных, подготовить мобилизацию всей Народной Гвардии. Все эти мероприятия дадут нам до 35.000 шт., что с уже существующим составом и даст желательную цифру.

Однако, прежде, чем собрать такой численности армию, совершенно необходимо озаботиться о подготовке для нея всего необходимого, как-то: одежды, белья, обуви, снаряжения, вооружения, боевых и продовольственных запасов.

Поэтому считаю необходимым теперь же принять все меры для заготовки указанных предметов путем покупки их за границей, хотя бы с помощью товарообмена. По имеющимся сведениям это весьма легко сделать в Константинополе, где распродается имущество оккупационной армии Антанты и Врангелевской армии. Полагал бы весьма желательным командировать особую комиссию из представителей министерства Продовольствия, Народной Гвардии и Военно-Хозяйственного Комитета, которой поручить эту закупку. Считаясь с указанной выше численностью нашей армии, одежду, снаряжение и вооружение необходимо закупить на 40-50.000 человек, а продовольственных запасов в месячной пропорции на 100-120.000 человек и 15.000 лошадей, т. е. одеть 75.000 человек, а иметь неприкосновенный запас еще на 75.000 человек.

В отношении боевых припасов необходимо обратить особое внимание на приобретение артиллерийских снарядов, коих у нас имеется весьма ограниченный запас.

Выше мною было указано значение для подвижности войск конского состава и обозов, а также неудовлетворительное состояние этих средств в армии. Конского состава у нас не хватает и пополнить его местными средствами не представляется возможным, доставка же извне по многим причинам крайне затруднительна. Поэтому я полагал бы своевременным перевести часть наших обозов (так называемые второй и третий разряды) на воловью тягу, а освободившихся т. е. лошадей, обратить на пополнение артиллерии, конницы и обозов пер-

вого разряда. Кроме того необходимо теперь же в спешном порядке отремонтировать самый обоз, а часть повозок его заменить арбами. Для указанной цели полагаю бы необходимым теперь же ассигновать 50-60.000 руб. из фонда обороны для приобретения недостающего числа лошадей и быков и ремонта обоза.

Как было указано выше, для подвижности войск колоссальное значение имеют пути сообщения, а между тем в этом отношении наш наиболее активный Юго-восточный театр войны находится в весьма неблагоприятных условиях — дороги Борчалинского уезда и Караизского района в очень плачевном положении и с наступлением оттепелей здесь установится полная бездорожница. Поэтому необходимо теперь же принять самые решительные меры к приведению в порядок нижеследующих дорог: Тифлис — Косало — Красный Мост, Сандар — Красный Мост, Ашага — Сераль — Качаган — Красный Мост, Садахло — Керпели и Сандар — Воронцовка — Джелалоглы.

Для облегчения же сношений между собой двух групп наших войск, действующих на этом театре — по обоим берегам реки Куру необходима постройка моста через Куру в районе Косало, моста через р. Дебеда-чай в районе Качагана и двух-трех двойных паромов в Караизском районе через р. Куру. Необходимые для постройки этих мостов и паромов средства и материалы полагаю бы отпустить теперь же.

Необходимо также в указанном районе вполне наладить телеграфную связь, для чего потребуются установка дополнительных телеграфных линий Ашага — Сераль — Качаган — Красный Мост и Беюк — Кисьяк — Качаган.

Кроме того для обеспечения войска средствами связи необходимо теперь же озаботиться приобретением за границей телеграфных аппаратов и особенно элементов к ним, т. к. в по-

следних ощущается большой недостаток, а приготавливаемые у нас оказались непригодными. Полагал бы, что приобретение их также можно было бы поручить указанной мною выше комиссии — в Константинополе.

Район расположения войска на Юго-восточном фронте весьма беден населенными пунктами, чем крайне затруднено расквартирование здесь войск. Между тем район этот в военном отношении всегда будет иметь для Республики первенствующее значение и накопление войск здесь в случае войны будет постоянным. В этих видах я полагаю бы совершенно необходимым постройку помещений типа барачков в районе станции Сугут-Булах и Беюк-Кисьяк, а также в районах Красного Моста. Помещения эти в мирное время могут быть использованы для пограничной стражи. К постройке их необходимо приступить теперь же, а материалом могли бы послужить пустующие сараи бывшего русского интенданства в Дидубе, Навтлуте и около Арсенала.

Ко всем перечисленным нуждам Гвардии и Армии считал бы совершенно необходимым добавить приобретение аэропланов-бомбовозов, бросающих каждый 40 пудов взрывчатых веществ, автомобильного и авиационного бензина, без которых мы совершенно будем лишены таких могучих средств, как воздушная бомбардировка и разведка и автотранспорт. Полагаю, что и эту попытку можно произвести в Константинополе через указанную выше комиссию. Попытку нужно производить срочно, чтобы события не застали нас врасплох.

Итак, чтобы быть вполне спокойным за нашу безопасность в случае возможного, и по моему мнению совершенно неизбежного столкновения будущей весной Сов. России с нами, нам необходимо теперь же и самым энергичным образом провести следующий ряд мер: 1) немедленный призыв новобранцев контингента 1920

гда, 2) немедленная подготовка всего необходимого для доведения вооруженных сил до 60.000 пех. и 75.000 человек (считая тыл), путем призыва дополнительных контингентов запасных и мобилизации остальных частей Народной Гвардии. Подготовка эта заключается в немедленном приобретении необходимого количества лошадей, быков, обмундирования, снаряжения, оружия и боевых припасов и заготовки потребного количества продовольствия и фуража; 3) приведение в должный вид путей сообщений, указанных в сем докладе, снабжение железных дорог нужным запасом нефти и постройка железнодорожной линии Цнорис — Цхали — Лагодехи; 4) устройство телеграфных линий, указанных в докладе и снабжение войсковых частей телефонами; 5) постройка помещений для войск на театре военных действий; 6) снабжение технических частей бензином и резиной и наконец 7) приобретение аэропланов-бомбовозов.

Проведение всех этих мер я считаю совершенно необходимым, чтобы быть уверенным в благоприятном исходе для нас предстоящего столкновения и запоздание в их принятии не

может не поставить нас в весьма тяжелое положение в ближайшем будущем.

Подлин. подписали: Ген. Одишелидзе и Начгенштаб, Ген. Захариадзе.

Я повторяю вам, господа, что доклад этот письменно представлен был второй раз, что в первый раз доклад такого же содержания представлен в ноябре 1920 года и что устно я утверждал об этом Воен. Министру многократно по другим поводам с момента моего назначения товарищем Министра, да и раньше, когда я был еще более безгласным и совершенно уже безответственным членом Воен. Совета. Но я вас спрашиваю, есть ли в этом повторном докладе, почти дословно повторяющем все крупное, сказанное мною в трех предыдущих докладах, хоть одно мое предположение или предсказание, которое не оправдалось? Вы знаете теперь, что все оправдалось почти с математической точностью! Я вам задаю другой вопрос: исполнено ли хоть одно мое требование? Ни одного! Возможно ли было их исполнить?

И. Одишелидзе.

(Продолжение следует)

„Фолькишер Беобахтер“ о Руставели

В воскресном номере (7 июля 1935) влиятельной немецкой газеты «Фолькишер Беобахтер», помещена большая статья д-ра Рейнгольда Эркиера о Шота Руставели. В виду особого ее интереса для наших читателей, приводим ее целиком:

«Грузия празднует 750-летие своего поэта Шота Руставели, создателя стихотворного

романа «Вепхис Ткаосани». Этому примечательному событию, газета грузинских националистов в Германии — «Клде» посвятила последний свой изящно изданный юбилейный номер, в котором, в одной из заглавных статей, слово берет проф. д-р С. Дестерс из Бонна».

Грузия, старая культурная страна Ближ-

него Востока, заслуживает и нашего самого широкого внимания.

Необходимо, прежде всего, сказать что-нибудь об истории и о народе этой так мало еще нам известной страны. До 18-го века, несмотря на все превратности судьбы, Грузия смогла сохранить свою независимость. Потом Россия накладывает на нее свою руку, в результате чего и несмотря на трактат, заключенный в 1783 г., Грузия превращается в 1801 году в русскую провинцию. Первым актом насилия надо почесть введение русского языка в школах, а также и в учреждениях, каковая реформа, как один из многих актов плохого правления русского чиновничьего аппарата, была встречена неоднократно возмущениями народа. Военная катастрофа царской России в 1917 г. освободила Грузию от ее притеснителей. Одним из первых последствий этого явления было создание грузинского национального университета в Тифлисе, столице Грузии, что служит доказательством проявления непреклонной культурной традиции этого народа. В 1918 г. 26 мая, Грузия провозгласила свою независимость, при чем, независимость эта была патронирована нашими немецкими войсками и Германия, первая из держав признала ее 15 сент. 1918 г. Наконец, в мае месяце 1920 года была вынуждена отказаться от своих суверенных прав над Грузией и Советский Союз. Но уже в феврале 1921 г. русские показали себя нарушителями договора, вторглись изменнически в Грузию со всех сторон и снова оккупировали страну. Против насилия пришельцев, осеннее возмущение грузин 1924 года оказалось бессильным, оно было потоплено в крови и показало миру «миролюбие» Советского Союза.

Очаровательное южное расположение Грузии, между кавказскими горными гигантами, покрытыми снегом, часто вдохновляло поэтов,

воспевших в своих произведениях страну и несравнимую красоту ее природы. Неисчислимые подпочвенные богатства страны — каменный уголь, нефть, железо и медь; фрукты, необозримые леса и многое другое, служили вечной приманкой для алчности сильных соседей.

Эта от природы столь благословенная страна достигла апогея своего могущества и значения при царице Тамаре (1185-1212), живущей в памяти народа бессмертно до настоящих дней. Как бывает всегда, политическое могущество послужило базой для общего культурного развития и расцвета. Выдающимся памятником этой золотой эпохи является дошедшая до нас богатая придворная литература.

Наш юбиляр поэт Шота Руставели принадлежал к этой придворной среде. Он был одним из высших сановников двора Тамары. Его творение «Вепхис Ткаосани», созданное в 1200 годах, и написанное эластичным и полным выразительности языком, до сих пор живо в устах народа и высоко почитаемо. Оно послужило прообразом для всей дальнейшей литературы. Не осталось оно безвестным и Европе. Так, например, в 1890 году мы имеем уже немецкий перевод Артура Лейста, в 1912 г. английский — Марджори Уордроп и великолепный полный перевод Константина Бальмонта — на русский. Счастливое соединение двух княжеских влюбленных пар, многочисленные и опасные приключения, которые им предстоят и длинная разлука, которую они должны превозмочь, дают поэту богатую возможность воздать любви слова вечной признательности. Бальмонт считает нашего поэта человеком одной души с Данте, Петраркой и Микэль Анджелло. Эпос Руставели отображает блестящий грузинский век в таком объеме, что и в авторе мы вправе видеть лучшего представителя своего народа. Как всякий народ имеет своего национального поэта, так и Грузия имеет своего Руставели, который отобра-

жает свою страну, сущность грузинской нации и грузинскую культуру. Поэтому он с правом заслуживает стать рядом с величайшими поэтами мировой литературы.

В чем же заключается выдающееся значение этой поэмы и этого национального эпоса грузин? Фабула поэмы, возвеличение великой, самодовлеющей любви, идущей к победе через разлуку и страдание, мелодичный язык, замечательной силой внушения и завершенностью выражений, непревзойденное мастерство слога, очаровывают всех и вызывают восхищение. Стихотворный роман не односторонен так же и в своей религиозной части. Его религиозность предстает как сверхконфессиональный бездогматический монотеизм. Рыцарский роман «Велхис Ткаосани» стоит как вершина грузинского, национального писательского искусства,

как высокий монолит, указующий грузинскому народу, исполненный надежды и гордости путь его будущего.

Мы надеемся, что газета «Клде» в будущем, как и до сих пор, будет давать нам, немцам, возможность знакомиться с грузинским прошлым и с грузинскими проблемами. Особенно приветствуем мы немецкие статьи газеты, рассчитанные на широкие немецкие читательские круги. Нельзя умолчать так же о прекрасных иллюстрациях газеты, которые желательно видеть и в будущем.

Мы, немцы, могли бы извлечь из грузинской истории кое что полезное и для себя и в особенности, научиться тому, как Советский Союз уважает договоры, когда они стоят ему поперек дороги».

Обзор печати

ГРУЗИНСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ И КОМИНТЕРН

В июльском номере «Клде» (№ 13) напечатано:

Из достоверного источника нам сообщают из Женевы:

Несмотря на большую таинственность, окружающую работы 7-го международного конгресса Третьего Интернационала, в кавказских кругах циркулируют слухи, о докладе, представленном известным большевиком (называют имя), в секретариат Коминтерна, по поводу его переговоров с главным представителем грузинских меньшевиков в Париже (называют имя и этого лица).

Дело касается сотрудничества меньшевиков с «единым антифашистским фронтом».

Выработка плана борьбы с фашизмом, как известно, является одной из главных задач 7-го конгресса Коминтерна, открывшегося 25-го июля.

Из доклада явствует, что:

1) Парижские грузинские меньшевики целиком принимают идею борьбы с фашизмом.

2) Требуют легализации социал-демократической партии и

3) Настаивают на ликвидации вопроса о забранном ими из Грузии государственен-

ном, церковном и частном имуществе.

Как видно переговоры зашли довольно далеко. Третий пункт — о «ликвидации вопроса об имуществе», почти окончательно решен. Главная масса заложенного меншевиками не то во французских банках, не то в ломбардах грузинского национального имущества, при содействии французского правительства уже выкуплено большевиками, остальная же, растроченная часть инвентаря, просто списана со счетов.

Мы не знаем как будут реагировать меньшевики на это сообщение. Но бывают положения, когда невозможно отмахнуться одними опровержениями.

Речь идет о вывезенном имуществе, о вещах весьма реальных и осязательных. До сих пор нам было известно, что имущество, вывезенное «правительством» принадежало народу. При чем тут партия, хотя бы и социал-демократическая. Эта партия батраков ничем не владела и никакого своего партийного имущества вывезти не могла. Следовательно она могла присвоить это имущество только путем обычного для нея «экса» уже в эмиграции. — Общество должно узнать об этом.

Для разрешения этого вопроса есть единственный выход, отчет должен быть представлен тем, кто облечены правом и ответственностью. Таковыми являются члены Учредительного Собрания, на мандат которого вечно ссылается г. Жордания, и представители с.-л., н.-д., с.-ф., и с.-р. партии. Технически это легко выполнимо. Надо, чтобы эти лица имели отчет и о том, что уже истрачено и о том, что еще сохраниено. В их компетенция так же разрешить вопрос: где предпочтительно должны пребывать наши святые иконы и историче-

ские реликвии — в подвалах парижских банков или вместе с нашим народом, находящимся в плену.

Что же касается остальных пунктов и в частности предстоящей поездки меньшевиков туда, где им давно уготовано место, это нас мало интересует. Мы это давно предвидели и нахождение их в эмиграции мы давно уже считали только недоумением».

АМЕРИКАНСКИЙ АДМИРАЛ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Мы заимствуем из «Же сюи Парту» любопытные данные о статье адмирала Иетса Стерлинга, одного из виднейших представителей американского флота, бывшего командира эскадры островов Гавайи, стоящего теперь во главе морских строительных верфей Бруклина. В нашу очередь на всю страну статье, адмирал проповедует организацию настоящего крестового похода против Советской России, который, стерев большевизм с лица земли, этим самым положил бы конец экономическому кризису.

Прежде всего он указывает на полный хаос положения в Европе, на бесчисленный рост точек разногласий, на вооружение встревоженных народов, на угрозы войны. Эта политическая разруха вызвана экономическими причинами, из коих главная — нарушение равновесия благодаря исчезновению русского рынка.

Если бы дело шло только о том, чтобы вычеркнуть эту громадную страну из коммерческого оборота — можно было бы еще мириться с существованием большевицкого правительства. Но дело обстоит иначе. СССР нация хищническая, угроза для всей цивилизации. Адмирал Стерлинг цитирует собственные слова Ленина:

«Нам долг: мировая революция. Мы обязаны оказать прямую помощь революционерам стран угнетенных. Мы должны иметь вождей, которые по отношению к буржуазии не имеют никаких других чувств кроме смертельной ненависти, которые не остановятся перед употреблением самых жестоких мер против тех, кто стоит на нашем пути...»

Адмирал находит, что эта программа прямая угроза цивилизованным нациям. Он разоблачает приготовления «непобедимой» красной армии, предназначенной для распространения большевизма по всему свету. Затем он говорит, что опасения Германии вполне законны и что она права осуждая как опасную авантюру союз Франции со страной, мечта которой уничтожение насильственным способом правительств всех стран земного шара.

Остальные нации Европы будут ли идти вразброд — задает вопрос адмирал Стерлинг, — и дадут ли они этим возможность большевицкой пропаганде вбить кол в дело цивилизации?... Германия, видимо, готовится к тому дню, когда Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша, Югославия, Румыния, Болгария и Италия станут рядом с ней, образуя громадный барьер против коммунизма, барьер блестящих штыков, тянущийся от Балтийского моря до Средиземного. Япония на Дальнем Востоке со своей стороны недовольна красной волной в Китае и Германия может рассчитывать на нее для иммобилизации красной армии в Сибири.

Адмирал утверждает, что Малая Азия не замедлит понять где ей подлинная выгода и что она станет бок о бок с Германией против общего врага коммунизма.

При этих обстоятельствах — говорит

он — что останется от франко-русского пакта? Европа вполне созрела для конфликта. Можно ли без войны распустить эти безчисленные армии? Будет ли эта война братоубийственной бойней? Нельзя ли надеяться на образование общего фронта против большевизма?

И он резюмирует:

«При помощи такого общего крестового похода, идея которого быть может еще не вполне ясна для сознания людей, рисуется ли в главных контурах дерзновенный план сметения раз навсегда с лица земли самого спектра большевизма и предоставления богатых земель России перенаселенной и голодающей Европе?»

Статья эта, перепечатанная во всех газетах прессы Херста (все знают до чего они безчисленны!) от Атлантического до Тихого океана, от Канады до Мексики — возмутила и взбаламутила не только одних коммунистов. Она вызвала целую бурю среди всех старых дев разных филантропических обществ трезвости, среди бесподанных, антифашистов и клубов пацифистских бой-скоутов. Некий господин Меркантонио, депутат Нью-Йорка, одно имя которого достаточно указывает, что избиратели его далеко не стопроцентные американцы — воспользовался этой статьей, чтобы, выйдя из своей более чем скромной роли в парламенте, резко интерпретировать морского министра, требуя немедленного увольнения в отставку «провинившегося» адмирала.

В продолжении нескольких дней вся пресса бушевала этой ссорой. Громадные подзаголовки возвещали протест посла

СССР — что, кстати сказать, оказалось неправдой. В Вашингтоне говорили о возможности дипломатического осложнения.

В Нью-Йорке, уличные ораторы, рьяно зызывали к пролетариату, избобляя западню против советской «редины». Был момент, когда можно было опасаться, что экстремисты на московском жалованьи преуспеют и заставят правительство Соединенных Штатов принять санкции против адмирала Стерлинга.

Однако морской министр Свалсон проявил в данном случае большую твердость. Весьма сухо он поставил г-на Меркантиони на свое место, напомнив ему, что никакая статья закона не запрещает американским офицерам выражать их мысли и что указанная статья ни в какой мере не связывает политику мистера Рузвельта.

Несмотря на это, очень было отмечено, что в ответе министра не было ни слова порицания, хотя бы платонического, по адресу адмирала и его идеи крестового похода. С самого момента официального признания Советов, два года тому назад, американское правительство терпело одни только неудачи. В этом оно начинает давать себе отчет. Статья адмирала Стерлинга вне всякого сомнения понравилась.

О ДУХЕ ЯПОНСКОЙ АРМИИ

В «Ревю де Франс» появился интересный очерк г-на Першерона о самурайском духе японской армии. Чтобы понять моральную основу японской души, надо вспомнить три «священные сокровища трона»: Зеркало, символ просвещенной юстиции; Ожерелье, олицетворение божественной доброты; Меч, оберегающий достоинство тех принципов, которые составляют сущность «императорской морали». В глазах японского народа император прежде всего является воплощением этих трех национальных достоинств и неприкосновенность династии связывается с самой идеей нации. Взаимоотно-

шения народа с императором тождественны с отношением членов семьи к главе семьи, детей — к отцу.

Армия является выражением национального самосознания. Кодекс военной морали опущенный Императором Мендзи пятьдесят три года тому назад, продолжает быть хартней японского солдата. Он требует абсолютной верности по отношению к Императору и родине; полного самообладания и вежливости ко всем окружающим; он указывает и определяет главные качества солдата: храбрость, хладнокровие и осторожность, требует лойяльности и уважения к данному слову, трезвости и простоты. Если японский солдат не приучен к импровизации, зато он умеет выдерживать страдания всегда несколько дольше своего противника. Он умерен, вынослив, энергия его безподобна и храбрость его такова, что он «дерется до смерти», ибо знает, что павший в битве становится духом-покровителем Империи. В виду того, что японская армия ничто иное как вооруженный народ, она не только военная сила, но одновременно и сила политическая. Армия чемпион национального пробуждения и стоит на страже этого пробуждения. Она дает чувствовать угрозу своей силы капиталистическому и парламентарному меньшинству, которое по ее мнению развращено идеями Запада. Она говорит и действует чтобы услужить семье — нации. «Носительница моральной конституции, которая испытана жизнью, убежденная, что новые формы жизни воспринятые Японией непригодны, армия, эманация Императора, мощная единением и оружием, желает установления национальных принципов, символизированных «тремя священными сокровищами трона».

ВЪ РЯДАХЪ ГРУЗИНСКИХЪ МЕНЬШЕВИКОВ

Г. Жордания делает вид, что против его «единого национального фронта» ополчаются

только грузинские монархисты, мечтающие не о реставрации меньшевицкой республики, а про существовавшего свыше двух тысяч лет грузинского царства или же грузинские фашисты, предлагающие вместо демократии диктатуру.

На самом деле круг недовольных нижемым «единым фронтом» гораздо шире и он начинается у порога самого меньшевизма, который и возглавляет этот фронт. В этом отношении очень интересным являются рассуждения г. Арсенидзе, в оппозиционной меньшевицкой газете «Социалистури Азри» («Социалистическая Мысль»). При этом не надо забывать, что г. Арсенидзе бывший министр в правительстве г. Жордания, человек, так сказать, близкий ко меньшевицкой деятельности, к главе «единого фронта».

В отличии от г. Жордания, бывший министр г. Арсенидзе считает себя и свою фракцию приверженцами чистого социализма. Со свойственным меньшевизму любой масти очковитательством, г. Арсенидзе считает, что для национальной борьбы вовсе не требуется национализма и достаточно одного марксизма. Г. Жордания же, вопреки грузинской поговорке, силится доказать, что можно держать в одной руке два арбуза — и социализм и национализм. Г. Арсенидзе против этого. Он полагает, что есть риск уронить оба и, по его мнению, так и случилось. Г. Жордания оказался плохим социалистом и вовсе уже никаким националистом. Состязаться с националистами в национализме, по мнению г. Арсенидзе, дело совершенно безнадежное и во всяком случае не меньшевицкое.

«Чистый» социализм г. Арсенидзе для нас стоит столько же, сколько и мутный, по его мнению, «национализм» г. Жордания. Но столкновение двух крыльев безтуловищного грузинского меньшевизма, все же не лишено инте-

реса. Критикуя политику г. Жордания и принципы положенные им в основу «единого национального фронта», г. Арсенидзе говорит:

«Он (г. Жордания — Ред.), в основу программы объединения кладет не политику, а создавшиеся в эмиграции учреждения, т. е. политический центр и «правительство», во главе которых стоит сам Н. Жордания и которые выполняют его волю. Таким образом получается, что объединяющей программой г. Жордания является сам Н. Жордания. Если вы подчиняетесь ему и слушаетесь его, вы участник единого фронта и борец за нацию, если же нет — то вы враг этой нации и радетель большевиков.

Ясно, что создать единение на такой основе дело невозможное.

Надо кстати отметить и то, что фронт этот лишен сколько нибудь заметного авторитета, который к тому же с течением времени, все падает, а не растет. Было время, когда все эти непослушные и ныне пребывающие вне фронта люди, находившись в этом фронте, сотрудничали с Н. Жордания, были даже членами его правительства и способствовали его деятельности. Но они ушли отсюда. Почему? Вот об этом грузинскому обществу ни разу ничего не сказали. А это общество и в эмиграции и в Грузии вправе знать, по какой причине гг. Сп. Кедиа и Ш. Амреджиби ушли из этого фронта? Затем из того же фронта ушли и вернулись обратно, без объяснения причины, Р. Габашвили и Ал. Асатиани. Знай общество все эти причины, быть может нам легче было бы решить, что за учреждение этот фронт и откуда та яростная борьба вокруг него, которая роняет его престиж и упрямляет его мораль?

И пока стороны молчат и не публикуют документо, могущих осветить эту склоку и довольствуются лишь словесными обвинениями, смотрящее на всю эту прецедентность общество вправе полагать, что ссоры и примирение происходят здесь не вокруг идей, а из за материальных условий, легших в основу этого фронта и украшающих его группировок.

Вот один из образчиков деятельности этого фронта, или т. н. «политического центра». Этот фронт по предложению Н. Жордания объявил бездействующими все статьи конституции (Грузинской — Ред.) кроме одной (ст. 70). Таким образом бездействующими были объявлены статьи 66-69, которые определяют существование правительства, и статья 72, которая трактует об обязанностях правительства, в числе которых наиболее важной является защита территории республики и ее независимости. И оставил в силе статью 70, т. е. статью о правах президента и назначении агентов власти, короче говоря, чиновников. Таким образом, уехавшего из Грузии правительства не стало не только в силу тех внешних обстоятельств, по причине которых, существование правительства, утратившего территорию, считается нонсенсом, и не признается никаким государством, но и в силу того, что его упразднили сам председатель этого правительства и мудрецы из нашего политического центра, отказавшись таким образом от обязанности защиты грузинской независимости. Подите после этого и следуйте за этими господами. (См. циркуляр 1931 г. 6 января, подписанный Н. Жордания и секретарем политического центра Менагаришвили).

Так пишет не какой нибудь грузинский

монархист, или фашист, а бывший министр правительства Жордания, г. Арсенидзе.

О том, что «политический центр» упразднил конституцию меньшевицкой республики мы давно знали и особенно не печалились. Меньшевицкая республика умерла в 1921 году, а с ней и меньшевицкая конституция. Освобожденный грузинский народ сам напишет себе лучшую конституцию. Поразительна только глупость людей, доказывающих, вот скоро пятнадцать лет, что они «правительство» и упраздняющих то, в силу чего они могли еще почитаться «существующими». Итак нет территории, нет уже легации, нет и конституции! Хорошо что это говорит меньшевик, а не националист. Как хотите, но мы все же стеснялись опубликовать это...

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ Г. ЖОРДАНИЯ

Как помнят наши читатели, г. Жордания поместил в «Врзolis Хма» большую статью под заглавием «Национальный фронт». Мы отметили своевременно всю нелепость той постановки вопроса, к которой прибег меньшевицкий глава «грузинского национального фронта». В этом письме марксист Жордания заявлял, что в борьбе за независимость Грузии он стоит за нацию, за режим же стоят все националисты и присные им. Такое заявление творца меньшевицкого режима, который и погубил независимую Грузию, породило не мало удивления и вызвало не один ответ в грузинской эмигрантской прессе. Этой статьей вызвано отчасти и выступление г. Арсенидзе, которое мы только что цитировали. К этой статье возвращается и «Санартвелос Гушаги». В передовице г. Гр. Цхакая пишет:

«Есть две концепции: сначала нация, потом режим и сначала режим, потом нация; нам принадлежит первая... Таково то

основное положение, на котором построена статья г. Жордания «Национальный фронт» («Брдолис Хма», № 51).

Всмотримся в это положение.

Первая концепция определенно заявляет о верховенстве национально-государственных интересов и все подчиняет им. Вторая же говорит о господствующем положении групповых и классовых интересов в государстве.

Из этих концепций г. Жордания принимает первую, т. е. он принимает то, с чем он боролся все время как марксист и отмежевывается от того, что составляет сущность марксизма.

Так безопасна жизнь. В 1918 году г. Жордания был вынужден поднять грузинское знамя, а в 1935 г. он вынужден удалить с нашего политического горизонта марксистское знамя.

Впрочем поздравить с этим мы никого не собираемся. Если существует вообще логика и она обязательна для людей, надо было ждать, что после таких заявлений, глава грузинских марксистов распустит свою социал-демократическую партию и с поникшей головой укроется в какой-нибудь националистической партии...

И г. Жордания вероятно так и поступил бы, если бы статья его была искренняя. Но в том то и беда, что она лишь незамысловатый трюк, а не документ, обнаруживающий смену взглядов политического деятеля. Это явствует из тона и чувств, которыми полно его сочинение. Нет, г. Жордания вовсе не изменился! Доводительством этого служит то обстоятельство, что его газета по старому украшена все тем же марксистским лозунгом: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». К этому справедливому замечанию «Санар-

твелос Гушаги», мы можем прибавить только одно: действительно, здесь, во Франции, только газета г. Жордания, да еще газета «почетного казака», г. Кашена, имеют подобный аншлаг.

«ОБЪЕДИНИТЕЛИ»

В последнем номере «Кавказа» мы имели случай отметить провокационную выходку редактора газеты «Сакартвело» г. Гвазава, по адресу горцев.

Этот господин редактирует так же и главный орган меньшевицко-мусаватского блока «Прометей».

В номере 98 (январь 1935 г.) этого журнала в статье «Террор в Туркестане», мы находим следующие строки:

«...Сталин в отношении к Туркестану проявляет исключительно жестокость. Возможно, что в нем говорит атеистский инстинкт ненависти к туркам и непреодолимое желание их истребить...»

Сталин, как известно, грузин. При всем желании приведенную фразу нельзя истолковать иначе как признание наличия у грузин врожденной ненависти к туркам и воли к их уничтожению. Мы допускаем, что у некоторых изуверов типа г. Гвазава, живущих идеями средневековья или прикрывающих ими свое неустойчивое тяготение к Северу, могут быть припадки кровавого туркофобства. Но подобные типы являются редким патологическим исключением. Благородный грузинский народ глубоко чужд тех низменных инстинктов, которые приписываются ему на страницах «Прометея». Связанная неразрывными узлами с кавказскими турками Грузия не питает и не может питать никаких иных чувств, кроме искренней дружбы и доброжелательства, и к своим зарубежным соседям — османским туркам.

Не в первый раз «Прометей», формально

проповедующий Кавказскую Конфедерацию и знающий, что на Кавказе живут миллионы народностей тюркской крови, позволяет себе неприличные выходки против турок. Что это отвечает тайным целям грузинских меньшевиков

и личным вкусам главного редактора, журнала «Прометей», мы охотно допускаем. Но как понять роль азербейджанского и горского соредаторов? С их стороны, что это скудоумие или нечто еще более худшее?

ХРОНИКА

— 15 июня состоялась в Тифлисе «встреча» поэтов Азербайджана с писателями Грузии. Азербайджанцев от имени союза грузинских писателей, приветствовали Д. Деметрадзе и Г. Леонидзе, выступивший со стихотворением «Поэтам Азербайджана».

Азербайджанский поэт Али Назими передал от писателей Азербайджана братский привет своим грузинским коллегам и прочел большой доклад о «пути развития современной поэзии Азербайджана». После доклада грузинские поэты и артисты Зомлетели, Эдли, Яшвили, Гришавили, Абалидзе, Мицишвили, Гаприндашвили, Чичинадзе, Гачечладзе, Цецхладзе, Пашаридзе, Д. Даднани, Ш. Чавчавадзе, Кобахидзе и др. декламировали ряд произведений азербайджанских поэтов — Видади, Закира и пр. — а также пасторальной поэзии на грузинском языке.

С чтением своих стихов выступили азербайджанские поэты, представители «нового» (советского) течения: Самед Вургун, Сулейман Рустем, Михаил Мушфик, Санылы, Рафили, Рагим, а также одна поэтесса — Дильбази.

МЕТКАЯ ОЦЕНКА

Среди самой сногшибательной саморекламы, советская пресса, играющая, как известно,

исключительно пропагандную роль, вдруг да вернет машинально такой «пассаж», который сейчас же раскроет перед более или менее догадливым читателем, всю поверхностность соц. строительства и всю фальшь советских уверений о «разных «достижениях». На днях, «Правда» приводила одну из частушек, сочиненных одним из местных редакторов колхозных листов. Вот это четверостишие:

Вот Т... кухарка
Туфли примеряла.
Говорит: еще не всех
Спать приглашала.

Эти строки, которые скандализуют «Правду», по нашему, дают гораздо более верную и, главное, меткую оценку «колхозного строительства», чем все реляции советской печати о многочисленных «победах» коллективизированного сектора. В описании «колхозной самостоятельности», колхозному редактору и книги в руки.

И надо сознаться, что эти стишки звучат гораздо естественнее и искреннее, чем вся эта аляповатая «поэзия» казенных авторов о ликвидации кулака или о стойкой колхозной Хавронье с многочисленным потомством, «поэзия», которую большевистские газеты хотят выдавать за «колхозные частушки».

«ЧИСТКА» В ГАНДЖЕ

Наш гавризский корреспондент сообщает:

По полученным здесь достоверным сведениям, в Гандже происходит что-то неладное. «Чистят» усердно, как в городской партийной организации, так и среди местного учительства; в первом случае выживают «сомнительных» коммунистов, во втором, «местных националистов». Всплывает наружу вновь опасные относительно «интегрального туркизма» и отнекивания от московской «культуры». Передают о серьезных инцидентах, имевших место в горкоме, где местные коммунисты выразили довольно бурно их недовольство по поводу переименования старинного памятника туржской

культуры, города Ганджи, в «Кировобад». В виде протеста против такого оскорбления нанесенного истории и культуре Азербайджана, местные коммунисты «саботировали» постановление ЦК о «разъяснении политического значения убийства товарища Кирова» и устройства специальных культурно-пропагандистских собраний в городе.

Такое настроение азербайджанских коммунистов растолковывается «центром» как результат усиления «туржского национализма» идеологом которого считается — как во времена царские — учительство. Среди последнего число выброшенных за борт крайне велико. Есть много арестованных.

Н.

БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЙ ТРУД М. АЛЛЕНА

В октябрьском (1934 г.) и январьском (1935 г.) номерах английского военного журнала «Тэ Арми Куартэрли», напечатана довольно большая статья В. Е. Д. Аллена, бывшего консервативного депутата британского парламента и редактора отдела «Ближний Восток», известного английского органа востоковедов, «Тэ Азиатик Ревью», автора многих очерков о Востоке и недавнего капитального труда о Грузии, большого друга кавказских народов.

Новый очерк М. Аллена называется — «Милитари оперешон ин Дагестан», 1917-21» и описывает обстоятельства, которые вызвали эти военные операции; к очерку приложена подробная географическая карта военных операций.

Наш друг совершенно верно оценивает

характер национального движения на Кавказе — и в Туркестане — где оно «было прежде всего анти-русским и сепаратистическим, а не только анти-советским», и где народы «борлись с одинаковым ожесточением, как против «красных», так и «белых».

М. Аллен, с присущей ему проницательностью подчеркивает, что эти восстания, как горцев, так и туркестанцев (басмачское движение), кроме героической, эпической стороны, «открыли наличие новых, модернистских сил в мусульманском мире Ближнего Востока, которые показали свою замечательную живучесть, («ремаркабль виталитэ») и которые никак не могут быть рассматриваемы как потушенные и в настоящее время».

Некоторый пробел в труде нашего англий-ского друга представляет то обстоятельство, что большая часть трудов использованных им для своего очерка почерпнута из советских источников, которые, будучи односторонними и часто противоречащими истинному характеру событий, все таки дают иногда вопреки, высокой добросовестности автора, и несомненное желание избежать большевицкого толкования

истории, несколько неверное освещение тех или других событий. Верно и то, что у нас в эмиграции к сожалению, весьма мало трудов, освещающих недавнюю борьбу наших народов и могущих дать европейским авторам возможность проверки одних источников другим.

Во всяком случае, мы должны быть благодарны европейцам, которые интересуются нами и исходят в этом интересе из чувства симпатии к нам.

Д. Г.

КНИГИ ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

Naqi Behzamanli — Biz ve onlar, 1934. Istanbul.

Kurtulus Yollarinda — (siirler mecmuasi), Istanbul 1934.

Rustembeyli Sefi — Yikilan putlar. Istanbul 1934.

Rustembeyli Sefi — M. E. Resul Zadenin feci sukutu, Istanbul 1935.

Следующий номер «Кавказа» выйдет в конце сентября.

